

РОСТЁР

ИЮЛЬ

1956

ЗОРЬКА ДОГОРАЕТ

Слова Н. Глейзарова.

Музыка В. Соловьева-Седого

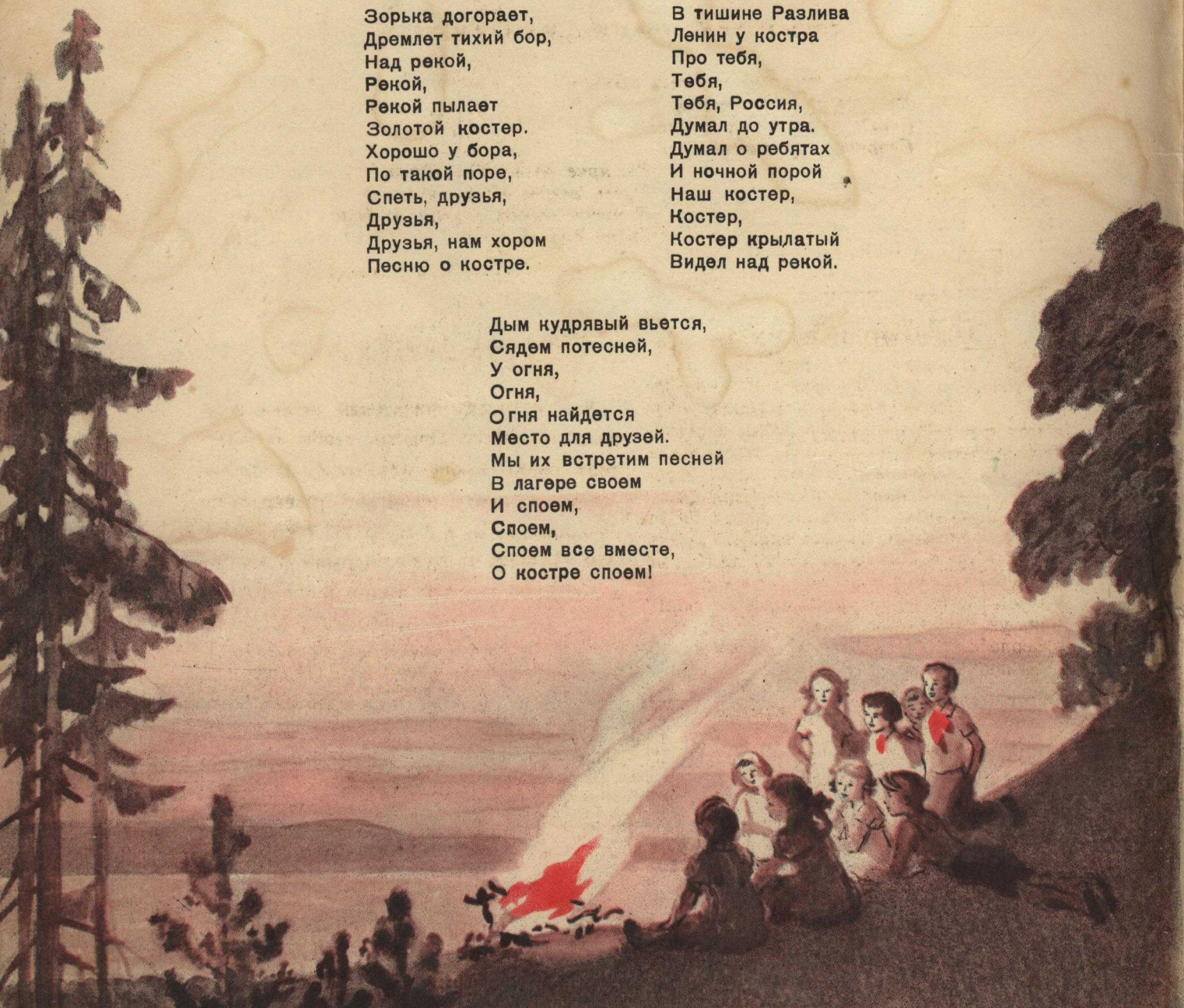

Ноты полностью смотри в журнале

Зорька догорает,
Дремлет тихий бор,
Над рекой,
Рекой,
Рекой пылает
Золотой костер.
Хорошо у бора,
По такой поре,
Спеть, друзья,
Друзья,
Друзья, нам хором
Песню о костре.

В тишине Разлива
Ленин у костра
Про тебя,
Тебя,
Тебя, Россия,
Думал до утра.
Думал о ребятах
И ночной порой
Наш костер,
Костер,
Костер крылатый
Видел над рекой.

Дым кудрявый вьется,
Сядем потесней,
У огня,
Огня,
Огня найдется
Место для друзей.
Мы их встретим песней
В лагере своем
И споем,
Споем,
Споем все вместе,
О костре споем!

ВОСТЁР

1

ИЮЛЬ ★ 1956

Ежемесячный детский журнал
ЦК ВЛКСМ и Союза писателей СССР

СВЕРКАЙ, ГОРИ, „КОСТЕР“!

*На весь могучий вольный край,
На весь родной простор
Огнем немеркнущим пылай,
Сверкай, гори, «Костер»!*

*Ты ярче разгорайся, друг,
Пусть искры вдаль летят.
И пусть тесней сомкнется круг
Твоих друзей-ребят.*

Александр Прокофьев

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Очень рад доброму известию — в Ленинграде снова выходит журнал «Костер». Как старый ленинградец, постоянный читатель и посильный автор, я не могу не радоваться возрождению журнала, дорогого мне по воспоминаниям.

«Костер» ожил. Пусть его пламя будет высоким, сильным, далеко видным! Пусть оно освещает дорогу молодым талантам и юным читателям!

Пусть на его страницах закипит бодрящая, увлекательная жизнь!

Сердечно приветствую живой «Костер» и желаю ему нового, прекрасного существования!

Николай Тихонов

ЧТО ПОЖЕЛАТЬ?

Что пожелать читателям нового журнала «Костер»? Хочется, чтобы их «Костер» горел ярким пламенем, чтобы не только в детях героического прекрасного Ленинграда, но и в детях всей России зажег гордость за русский народ и любовь к хорошим простым людям всего мира.

Главный редактор
детского журнала
«Материодушка» в Праге
Иржи Свобода

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Ленинград 1956

ИЛЬИЧ В РАЗЛИВЕ

Из воспоминаний Н. А. Емельянова

Случилось это почти сорок лет назад. Вот таким же летом, как и сейчас. В Питере произошли большие события. На Невском проспекте войска стреляли в рабочую демонстрацию. Буржуазные газеты печатали о большевиках всяческие небылицы. По всему городу шныряли сыщики, разыскивая Ленина. Рабочие спрятали Ильича, но с каждым днем пребывание его в Питере становилось всё опасней. Надо было найти надежное убежище где-нибудь в окрестностях города.

Жил я тогда в поселке около станции Разлив. Как-то утром явился ко мне представитель ЦК партии.

— Товарищ Емельянов, ты старый член партии. Надо укрыть нашего Ленина.

Я призадумался.

Шутка ли — мне, простому мастеровому, партия доверяет жизнь великого вождя.

Посоветовался я со своей женой, Надеждой Кондратьевной. Она конспиратор опытный, уже много лет вела подпольную работу. Вместе мы решили, что надобно поселить Ильича в шалаше за озером. Будто это косарь там поселился.

В тот же день вечером отправился я в Петроград. По железной дороге доехал до Новой Деревни, пошел к Строгановскому мосту. Там, в тени деревьев, я остановился, ожидая Ильича. Редкие фонари освещали безлюдную улицу. Уже поздно. Пора бы Ильичу прийти, а его нет. Тревога охватила меня. Неужели арестован?

Ильича всё нет. А до отхода последнего поезда осталось несколько минут.

Ну вот, наконец-то! Подошел Ильич в сопровождении нескольких человек. Один из них тихо сказал мне:

— Идите вперед. Показывайте дорогу.

Свернули мы во двор товарной станции, пролезли под вагонами на запасных путях, вышли к пассажирскому поезду. И самое время. Кондуктор давал уже свисток отправления. Ильич и я вскочили на подножку последнего вагона.

— Вы стойте у дверей, — сказал Ленин, — а я сяду на ступеньку. В случае чего — прыгну.

— Свалиться ведь можно, Владимир Ильич.

— Ничего, я цепкий.

На первой же станции Лахта рядом в вагон ввалилась какая-то шумная компания. Я приоткрыл дверь, прислушиваясь к голосам. Оказалось, что это офицеры в штатских костюмах едут на гулянку в Раздельную — так назывался тогда Лисий Нос. Только такого соседства не хватало! На всякий случай заслонил я собой Ленина, крепко ухватился за поручень подножки, решил про себя: ежели надо будет, защищу Ильича.

Дверь вагона открылась, на площадку вышел офицер. Взглянул на меня, нагнулся к Ильичу: захотел рассмотреть его. Но Ильич опустил голову, притворился пьяным. Офицер махнул рукой — чего с пьяного возьмешь — и вошел обратно в вагон.

Доехали мы благополучно до станции Разлив, сошли с поезда. В поселке уже все спали.

Привел я Ильича в сарай, где моя семья тогда жила, так как дом ремонтировался. Жена моя, Надежда, не спала, ждала нас. Ленин приветливо поздоровался.

— Здравствуйте, Надежда Кондратьевна. Обо мне, пожалуйста, ни слова, ни родным, ни друзьям. — И пытливо заглянул ей в глаза: — Вы что, испугались как будто?

— Нет, — возразила спокойно жена. — Не испугалась. Я, Владимир Ильич, динамит на себе через границу переносила и не боялась. А сейчас, правда, подумала: сумею ли мы охранить вас? Достанет ли сил? А вы по глазам моим тревогу-то и прочли. Вот вы какой, Владимир Ильич, проницательный.

Он весело рассмеялся.

— Ну, не беспокойтесь. У меня ведь тоже кое-какой подпольный опыт есть.

В июле ночь светлая. Взял я свой бритвенный прибор, посадил Ильича на табурет перед зеркальцем, быстро остриг и обрил его. Без знакомой бородки лицо его сразу изменилось. Никто и не скажет, что Ленин.

Тем временем моя Надежда Кондратьевна принесла самовар. Сели мы за стол, попили чаю. С сеновала, служившего временно спальней, спустились мои ребятки.

— Сколько же у вас детей, Николай Александрович?

— Семеро.

— А здесь только шесть. Где же седьмой?

— В ночную смену работает, скоро придет.

Смеющийся взгляд Ленина остановился на моем младшеньком.

— А, самый старший! Как тебя зовут? Гоша? А что, Гоша, — обратился Ильич к малому, — ты никому не скажешь, что у вас новый дяденька живет?

Гошка мой мрачно насупился:

— Не скажу.

* * *

Пока мы шалаш за озером строили, поселился Ильич на сеновале. Он сам его выбрал. Поставил я туда стол, стул, расстелил тюфяк. Здесь же, рядом с моими ребятами, Ленин и спал.

О пребывании Ильича в Разливе никто не догадывался.

Но вот однажды явился к нам неожиданно дальний родственничек. Был он лавочник, толстый да грузный. И всё любил о политике рассуждать. Меня на этот раз он дома не застал, а пустился в разговоры

с женой. Она ему отсечает, сама соображает, как бы спровадить гостя.

— Значит, нет сейчас Николая, — говорит родственничек, — жаль, а то я бы ему в глаза ткнул. О Ленине, слышь, что написано: сидит он в трактире на 8-й Рождественской да солдатам деньги целыми пачками раздает.

— Что ты мелешь? В каком-то трактире? Ну, да мне с тобой рассуждать недосуг. Надо мужу на завод обед доставить. Ну-ка, подсоби.

Завязала она в салфетку кастрюлю, взвалила родственничку весла на плечи и нарочно еще повела его к озеру по тяжелым пескам. Идет он, пыхтит, отдувается, ноги увязают.

— Знаешь что, Надежда, иди-ка ты сама. Больно тяжело.

— Ну и помощничек мне дался, — сердито ответила жена, а сама обрадовалась: «Вот как хорошо: отвязался!»

* * *

А то был еще и такой случай.

Подошел однажды к нашему сараю какой-то незнакомый человек в шляпе, в пенсне, оглянулся, сел на камень, поманил к себе игравшего вблизи Гошку.

— Здравствуй, мальчик, ты где живешь?

Гошка молчит, глядит исподлобья.

К незнакомцу подошла Надежда Кондратьевна.

— Вам кого?

— Ленина.

— Ленина? У нас такой дачник не проживает. Может, где у соседей?

Она ввела человека во двор и усадила так, чтобы Ленин его увидел из щели чердака.

— Ведите, ведите его, Надежда Кондратьевна, — сказал Ильич. — Это свой — Свердлов, Яков Михайлович.

* * *

С утра Ильич сидел на чердаке, много писал, а вечером спускался вниз, усаживал Гошку на плечо, гулял с ним по саду.

Хороший был сад у самого озера. Среди деревьев стояла банька. Иногда Ленин работал в ней, пристроившись у раскрытого окна.

Однажды мои ребята собрались по грибы. И принесли они из леса тоненький дубок, вырванный с корнем. Я, признаться, рассердился на них, стал отчитывать.

Вот он, ленинский дубок!

— Что случилось, Николай Александрович? — спросил Ленин, подойдя к нам. — Отчего вы раздражены?

— Как же, Владимир Ильич, не сердиться? Хорошее деревцо ребята сгубили. Сейчас же не время посадки.

— Давайте попробуем всё же посадить его.

Ильич вместе с ребятами взялся за лопату, затем присел на корточки, осторожно опустил тоненький, словно веточка, дубок в ямку, тщательно присыпал землей, даже потоптал ногами. Смотрю я и думаю: нет, не привьется дубок в нашем саду, а он, представьте себе, весной покрылся зелеными

листочками. Так и прижился, до сих пор растет.

* * *

Шалаш за озером тем временем был готов.

Однажды поздним вечером мы с сыном переправили Ильича на лодке через озеро. Возле шалаша я расчистил кустарник, вбил колья для котелка, вкопал чурбан, заменивший Ильичу мебель. На следующее утро гляжу, — Ильич уже устроился на чурбане, пишет.

Писал он очень много, но из осторожности свои записи в шалаше никогда не оставлял, а передавал в верные руки. Порой не-

вдалеке от шалаша посвистывал снегирь. Это раздавался условный сигнал; он означал, что кто-то должен увидеть Ленина. Так оповещали о своем приезде товарищи Дзержинский, Сталин, Орджоникидзе, Свердлов. Кто бы мог подумать, что отсюда, с этой поляны, шли советы и указания от вождя рабочего класса!

Обед и газеты привозила в шалаш Надежда Кондратьевна. Случилось раз, — на озере разыгралась непогода. Ветер гнал крупную и частую волну. Грести было очень тяжело. Ленин с беспокойством следил за приближением лодки. Ее сносило к Черной речке. Тогда Ильич не стал ждать, пока она причалит, а бросился по грудь в воду, схватил лодку за нос и вытащил ее на берег. А жену мою побранил:

— Зачем же вы, Надежда Кондратьевна, в такую погоду выехали! Ну, остался бы я без обеда. Подумаешь!

Пошли дожди. С уборкой сена следовало торопиться; Ильич взялся мне помочь. Я косил, он разметывал, потом мы оба на носилках собирали сено в стог.

А ненастье наступало. С каждым днем становилось всё холодней.

Шалаш уже не служил защитой от осенней непогоды. Да и слухи стали распространяться, будто Ленин укрывается где-то под Сестрорецком. ЦК партии решил переправить Ленина в Финляндию. Это нужно было сделать в строгой тайне.

Тогда Финляндия хоть и составляла часть России, но при переходе границы проверяли пропуска.

Рабочим Сестрорецкого завода, жившим в Райволе, пропуска подписывал начальник завода. А дверь его кабинета выходила в нашу инструментальную мастерскую.

Улучил я минутку, вошел в пустой кабинет, взял из пачки на столе пять пропусков, принес их Ленину. Он выбрал пропуск, выданный Иванову. Приехал свой человек, сфотографировал Ленина, не похожего на себя, в парике. Фотографию прикрепили к пропуску.

Всё было готово.

Теперь предстояло выйти к станции Дибунны.

В сумерки мы покинули шалаш. Пока шли лесом, уже стемнело. На станцию добрались усталые. Все сели на скамейку возле вокзала. Ленин оглянулся по сторонам.

— Нет, вместе сидеть не надо. Двое из нас должны ждать в кулуарах.

Не успел он с товарищами еще убраться, как из здания вокзала вышел офицер, подошел к нам, потребовал документы. Я понял, что это офицер контрразведки, и решил отвлечь его внимание от поезда, на котором должен уехать Ильич.

— У меня с собой только рабочий номер.

— А зачем ты здесь так поздно?

— А разве нельзя?

— Ну-ка, иди за мной! — приказал офицер.

В комнате, заполненной вооруженными людьми, офицер сел за стол. Я небрежно развалился напротив.

— Ты как ведешь себя! Встать! Обыскать его!

Меня обыскали, нашли в кармане депутатский билет одного петроградского товарища.

— Это не мой билет. Я на Сестрорецком заводе работаю.

— Сколько лет работаешь?

— Тридцать лет.

— Тогда всё заводское начальство должен знать. Называй по фамилии.

Я называю и всё думаю: скорей бы, скорей бы поезд пришел!

— Ну, а кто старший врач завода, знаешь? — спрашивает меня офицер.

— Знаю. Гречин. Взятчик известный.

— Как ты смеешь, негодяй, оскорблять моего дядю!

Подошел поезд, которым должен уехать Ильич, но офицеру не до проверки пассажиров. Он всецело занят мной, а мне этого только и надо. В это время подошел встречный поезд. Меня впихнули в вагон и заперли. В Белоострове зашел в вагон унтер-офицер, хорошо меня знавший.

— Ты, Емельянов, как попал сюда?

— Да вот ваше начальство арестовало. Он открыл дверь вагона:

— Беги!

Я не заставил себя ждать, пробрался до мой, лег спать.

А спустя несколько дней мне передали радостную весть: Ленин благополучно переехал в Финляндию. Вслед за ним с нашей помощью переехала туда и Надежда Константиновна Крупская, верный друг и жена Ильича.

Вот как это случилось, что судьба свела меня с великим Лениным. Вовек не забуду его.

Записал Д. Славентантор

НАШ ПОДЪЕЗД

Михаил Дудин

Рисунки Б. Семенова

Дело в том,
Что наш дом
Выстроен недавно.
И живет
В нем народ
Весело и славно.
И на радость другим
Людам
В мире целом
Каждый занят своим
Самым нужным делом.

Вот хотя бы возьмем
Наш подъезд к примеру.
Весь этаж первый в нем
Дан пенсионеру.
Петр Иванович Скворцов,
Говорят в народе,
Был кузнец из кузнецов —
Лучший на заводе.

Заслужил почет,
Привет,
Трудно и упорно
Проработал сорок лет
Молотом у горна.
Никому у нас в доме
С ним не поравняться.
...На второй этаж ему
Трудно подниматься...
Он живет семьей своей,
Человек заслуженный;
У него пять сыновей
И внучат полдюжины.
Сыновья пошли в отца
И упрямо
Сами

По примеру кузнеца
Стали кузнецами.
Говорил он им не раз
Золотое слово:

— На земле рабочий класс
Есть всему основа!

А над ним второй этаж.
Там живут
Учитель,
Плотник,
Ткач,
Метранпаж
И домоуправитель.

А на третьем этаже,
Не бывая дома,
Пятый год живет уже
Секретарь райкома.

На четвертом —
Продавец
Москательной лавки,
Пианист
И, наконец,
Генерал в отставке.

И у самых у верхов,
Как на крыше горной,
Сочинитель стихов —
Ваш слуга покорный.
Вот какой у нас подъезд, —
Даром хлеб никто не ест!
Если взять,
Подсчитать,
Если подытожить, —
Пионеров —
Двадцать пять,
Комсомольцев —
Тоже.

И известное всем
В добавление скажем:
Коммунистов — здесь семь,
И с немалым стажем,
И на радость другим
Людам
В мире целом
Каждый занят своим
Самым нужным делом.

Человек без труда,
Говорят в народе,
Ни сюда
И ни туда
И никуда не годен.
Рано утром дед Скворцов,
Проявив заботу,
Сыновей кузнецов
Будит на работу.
И грустит у ворот, —
И уходят дружно
Сыновья на завод,
А ему не нужно...

Поднялся второй этаж,
И встают
Учитель,
Плотник,
Ткач,
Метранпаж
И домоуправитель.
И умчал секретаря
«ЗИМ» ни свет и ни заря.

У рояля пианист
Сердцем пианиста
Загляделся в нотный лист
Сочиненья Листа.

Встал и вышел продавец
Москательной лавки.
И проснулся, наконец,
Генерал в отставке.
И пошел на Неву
Спиннингом рыбачить, —
Пожелаем ему
От души удачи.

А потом, гомоня,
Наступают сроки:
Выбегает ребяти
В школы
На уроки.
Младших старшие ведут
До дверей детсада.
Жизнь спешит,
И дни бегут,
Всё идет, как надо.
Вот какой у нас подъезд, —
Даром хлеб никто не ест!

Я люблю друзей своих,
В них души не чаю.
И о них
И для них
Книжки сочиняю...

Вот придут они домой
К вечеру усталые,
От трудов усталые
Малые и старые.
За газетой посилят,
Не спеша покушают,
Телевизор поглядят,
Радио послушают...
Дело в том,
Что наш дом
Выстроен солидно.
Об одном
Про наш дом
Мне писать обидно.
Говорить обидно,
Тяжело
И стыдно.
Новый дом.
Хороший дом.
Дом более пены.
Но исписаны кругом
Лестничные стены.

Вот читаю и дивлюсь,
Как они убоги.
Между Петей с Маней
плюс

И «любовь» в итоге.
А повыше этажом
Дверь изрезана ножом.
И еще
У самой двери
Надпись свежая видна, —
Кой-кому
В известной мере
Даже грамотность вредна...

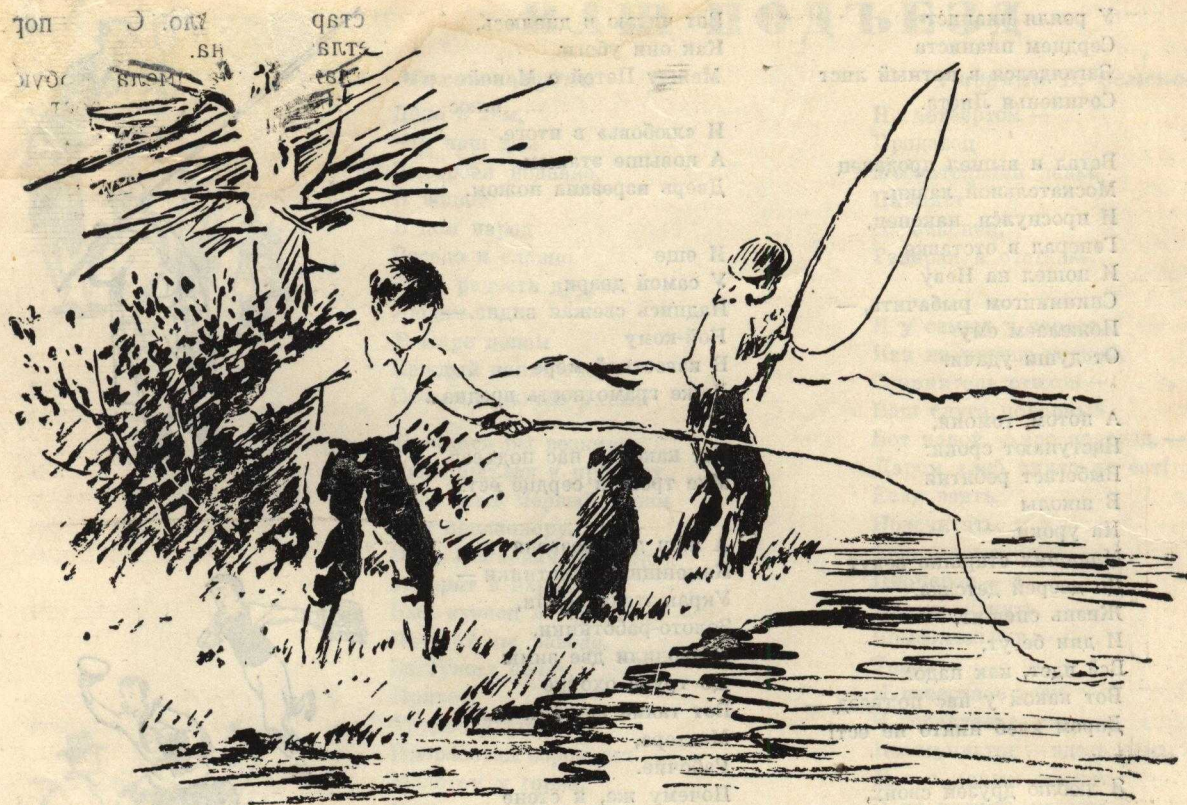
Вот какой у нас подъезд.
Мне тревога сердце ест...

А наш дом возвели
Каменщики, плотники —
Украшатели земли,
Золото-работники.
Возводили две зимы
До труда охочие
Вот такие же, как мы,
Мастера,
Рабочие.
Почему же, к стене
Не поднявши взора,
Мы проходим в стороне,
Не стыдясь позора?!

А в подъезде,
Опять
Если подытожить,
Пионеров —
Двадцать пять,
Комсомольцев —
Тоже.
И известное всем
В добавление скажем:
Коммунистов — здесь семь,
И с немалым стажем.

Мы хозяева в дому,
А не только жители.
Разберитесь,
Что к чему,
Дети
И родители!
Новый дом,
Хороший дом!
И заметим к слову мы:
Нам в дому
Потому
Надо жить по-новому!

ОБЕД МОЖНО ПОДОГРЕТЬ

А. Христановский

Рисунки А. Галеркина

Петя Шулейкин где-то слышал, что, ложась, надо мысленно приказать себе проснуться точно в назначенное время и предоставить, как идешь к условленному месту не опаздывая.

Всё же, как он себе ни приказывал, а подняться до рассвета не смог. Разбудила его мать.

Петя сидел на кухне, пил молоко и злился. Мать сказала, что, пока он всё не съест, — никуда не пойдет.

Тикали часы, отсчитывая секунду за секундой. Время шло.

— Мам... я же опоздаю, — Петя умоляюще показал глазами на свою громадную глиняную кружку с молоком.

— Надо вставать сразу, — бездушно ответила мать и отвернулась, чтобы Петя не видел, как она улыбается.

Наконец Петя схватил снасть, коробочку с мухами и личинками и побежал по дороге. Он и не видел, что рыжий Бобка про-

тиснулся в дырку под забором и бросился вслед за ним напрямик по огородам, собирая утреннюю росу своей густой шерстью.

У чинары никого не было. Петя растерялся: неужели Виктор ушел без него! От выпитого молока, рассветной свежести и потому, что Виктор его не дождался, Пете стало холодно и неуютно. Но вот подлетел мокрый Бобка и, выражая свою преданность, стал грязными лапами пачкать Петины штаны.

— Пошел вон! — сердито закричал Петя, и тут из-за чинары вышел невыспавшийся Виктор. — Как ты думаешь, — заглядывая ему в глаза, спросил Петя, — что-нибудь поймал? А?..

Виктор пожал плечами. Он был как будто не в духе, и Петя забеспокоился. Но Виктор, не говоря ни слова, повернулся и зашагал к реке. Петя облегченно вздохнул.

Солнце еще за горами, и холодная ночная роса лежит на деревьях, крышах, даже

на дороге. Дикie груши в цвету стоят вдоль дороги, поникшие, сонные. Заросли мокрого кустарника, малины и ожины спускаются к галечным отмелям, разбивающим реку на протоки.

Противоположный берег высокий, поросший соснами. Белые молчаливые здания санаториев выглядывают из-за красных стволов. Разбежавшись на ровной поляне, лес как будто выплескивается на скалы. Отдельные сосны забираются на страшную высоту.

Там же, на Санаторной стороне, но ближе к мосту, расположился пионерский лагерь, обнесенный забором. Чистенькие и пока еще тихие пионеры приехали из города только вчера. На реку их не пускают. К водопаду, хотя туда ведет тропа, ходить тоже строго воспрещается, под угрозой немедленной отправки домой.

Ворота закрыты. Лагерь спит.

Мальчики вышли на дорогу, и Виктор ускорил шаги. Пете приходилось время от времени бежать, отчего жестяная коробка с наживкой ударялась об отцовский перочинный нож, который лежал в кармане.

— Не звякай, — сурово сказал Виктор. — Рыболов...

Петя поспешно прижал проклятую коробку к животу.

* * *

Виктор Юркин, семиклассник, вожатый отряда третьего класса, как-то обещал Пете научить его ловить форель нахлыстом. Позавчера он сказал Пете:

— Налови мух, собери личинок. В воскресенье на рассвете пойдем. Я с тобой по вопросу нахлыста занятие проведу. Не проспийшь? Не забудешь?

— Спрашиваешь!

Петя-то не забыл. Забыл Виктор.

Только в субботу, ложась спать, он вспомнил о Пете и решил было отменить завтрашнее занятие. Но, во-первых, терять авторитет вожатого нельзя, раз обещал — надо выполнять, а во-вторых, уже поздно. К Пете не побежишь ночью...

Они миновали Светлую поляну. Дома в Светлой поляне стоят низко, у самой реки, на старой, уже давно заросшей огромными деревьями пойме. Когда-то здесь пролегалo главное русло.

Отец рассказывал Виктору, как однажды, давно, после очень снежной зимы, таяние было таким бурным, что река своротила мост, отрезала кусок берега у Санаторной стороны и в несколько часов промыла себе

новое русло. А... ое обсо... тех... и появилась Светлая поляна!

Для Пети Светлая поляна была особенно притягательной силой. Здесь электростанция, на которой работает отец; кроме того, сюда бегали за особенно крупной и сладкой малиной. В отличие от «санаторной» эту малину называли «электрической». Она шла на медицинское варенье, — если кто простудится.

Теоретическую часть своего занятия Виктор подготовить не успел и рассчитывал отыгаться на практике. Но кое-что о форели он всё-таки Пете рассказал.

В горных реках водится только один вид рыбы — форель. Но зато какая это рыба! Всё ее сильное гибкое тело покрыто красными и серыми пятнышками, как нарядное платье в горошек. Она поднимается вверх почти к самым снегам, откуда берут начало горные потоки. Сожмется в пружинку, толкнется хвостом и, вылетев из воды, перескакивает через камни.

Форель стоит за камнем и ждет. Где-то вверху ветер сбрасывает с нависающих над рекой деревьев личинок, мушек, жучков. Поток подхватывает их и несет вниз. Там, где вода не взбивается в пену, а мчится прозрачной зеленоватой струей, похожей на жидкое стекло, — форель видит, что несет ей судьба. И вдруг промелькнет светлой тенью в пронизанной солнцем воде, схватит добычу и опять скользнет в полумрак за камнем.

На маленький тонкий крючок сажают мушку и забрасывают над тем местом, где может прятаться форель. Вода несет мушку, а ты стоишь и сгораешь от нетерпения...

Но форель — рыба осторожная и хитрая. Если заметит на воде двигающуюся тень рыболова или увидит спутанную плывущую леску, — брат не станет. Можно целый день забрасывать — и всё впустую.

Началась практика.

Виктор, легко взмахнув удилищем, забросил мушку. Течение быстро понесло ее.

— Вот это и есть нахлыст, — сказал он.

Петя примерился и точно так же замахнулся. Р-раз! Дурацкий крючок зацепился за листву над головой, и замах пропал даром.

— Эх ты! — презрительно усмехнулся Виктор. — Бабочек тебе ловить, а не рыбу.

Сконфуженный Петя с трудом отцепил крючок и неловко закинул мушку.

Как это часто бывает с неопытными рыболовами, — ему повезло. Не проплыла

оннажену... муску... Меска вдруг натяну-
лась... Мешаешь тут... Мешаешь тут...
выдерну... Бобка, хотя и престая дворняжка, сделал стойку.

Мгновенье испуганная форель висела на крючке неподвижно, так, что видны были крапинки на ее теле, потом сделала резкое движение...

— На берег! — закричал Виктор.

Петя быстро отвел дрожащее удилище к берегу. Но поздно. Рыбина рванулась еще... и, сверкнув в последний раз в воздухе, исчезла в воде.

Бобке нравится эта игра. Он смотрит на хозяина и весело крутит хвостом.

— Убирайся! — в сердцах толкает его Петя. — Мешаешь тут...

— Пошли отсюда, — говорит Виктор, — к старому руслу. Теперь она другим расскажет. Ничего не поймашь.

Он не очень уверен, что форель может что-нибудь рассказать своим подругам, но слышал от старых рыбаков: если сорвалась, — ищи новое место.

— Надо подсекать. Понимаешь? Вот так, — видишь?

— Вижу, — огорченно говорит Петя. — Идем уж, что ли...

У старого русла на всякий случай был устроен ряж. Тот, кто бывал на горных реках, видел такие сооружения, напоминающие громадные плетеные корзины, наполненные камнями и опущенные в воду. Ряж стоял наискось по течению, охраняя старое русло на тот случай, если своенравная река вдруг надумала бы в него вернуться.

Буйные воды ударяются о преграду и как бы нехотя поворачивают к стержню.

За ряжем образовалась тихая мелкая заводь, отделенная от старого русла искусственно насыпанной галечной перемычкой.

На новом месте Виктор сразу поймал крупную рыбину.

— Не очень большая, — вздохнул Петя, — но крупная. — Он хотел этим сказать, что та, которая сорвалась у него, была больше, но и эта, конечно, хороша, тем более, что она всё-таки поймана.

После первой удачи как отрезало. И не потому, что поднялось солнце. Форель берет почти целый день. Но с трудом удавалось отыскать в протоках место, где вода оставалась прозрачной. Река кипела.

Виктор качал головой:

— С ума сойти, сколько воды! Наверное, от снегу. Этой зимой, знаешь, сколько его навалило!

Петя ничего не слышал. Он взмахивал удилищем, забрасывал снова, переходил с камня на камень, забрался уже по щиколотку в воду. Его мучила мысль, что Виктор сию минуту может поймать вторую, а у него, Пети, нет ни одной. Которая сорвалась, — не в счет.

В это время к привычному шуму реки прибавился какой-то посторонний рокот. Виктор прислушался. Течение подточило ряж. Угол его осыпался, и вода, подхватив упавшие камни, поволокла их по дну. Сразу же место, на котором стоял Виктор, начало покрываться водой. Он выбрался на берег. Еще нет и полудня, — значит, вода с гор будет прибывать еще. А если снесет ряж, тогда...

— Петя! — закричал Виктор, сматывая удочку. — Что ты там полощешься? Иди сюда!

— Иду, — не двигаясь с места и не разгибаясь, ответил Петя. — Я, знаешь, какую поймал! Сейчас покажу...

— Я вот тебе покажу! Кончай ловлю! Вода прибывает.

Кончать ловлю?! Как раз тогда, когда начался клев? Почему? Вода и должна прибывать...

Виктор, прыгая с камня на камень, сам подбежал к Пете. Ему пришла в голову смелая мысль, но осуществлять ее надо было немедленно.

— Лети домой. Во весь дух. Собери ребят. Двадцать, — нет, тридцать человек. Понимаешь?

— Понимаю! — сказал Петя, с трудом удерживая бьющуюся у него в руках рыбину. — А зачем?

— Зачем? — рассердился Виктор. — Смотри! — и он силой повернул его лицом к ряжу... — Видишь? Основу порвало. Ряж развалится — вода хлынет в старое русло. Всё снесет. Домá, электростанцию — всё!..

— Электростанцию? — недоверчиво переспросил Петя.

Выражение радости в его коричневых глазах сменилось выражением удивления, тревоги и еще чего-то такого, что позволяло верить, что он, Петя, пионер и ученик третьего класса, готов выполнить всё, что ему будет поручено.

Ясно, что с ловлей было кончено. Петя вспомнил, как он только что тащил из воды упирающуюся форель. Надо было этому паршивому ряжу развалиться именно сейчас! Эх!..

— Девчонок можно? — спросил он, отрываясь от своих мыслей.

— Можно, которые покрепче. Разыщи Женьку Фомина, только пусть никому ни слова. Сами справимся. Ты носилки не забудь, — слышишь? Топоров штук пять, лопат побольше — и бегом сюда. Понятно?.. Хлеба припаси, проголодаемся.

— Есть. Понятно, — торопливо и, как он думал, по-военному отрапортовал Петя. — Шесть топоров, пять носилок, пятнадцать лопат, тридцать человек!.. — Петя поискал глазами форель, которую выловил Виктор: пробежать через всю Водопадную сторону с одной форелькой в руках — позор.

— Бери, — догадался Виктор. — Живо!..

— Бобка! — звонко крикнул Петя. — Фюить!

Встрепанный Бобка выскочил из кустов, и они с Петей в один мах вылетели на дорогу.

Большая группа туристов в широкополых сванских шляпах размеренным шагом двигалась к Голубым озерам. Гуляющие курортники дышали целебным горным воздухом, восхищались далекими снежными вершинами, kloчущей рекой и, конечно, не представляли, какая опасность грозит Светлой поляне.

В это тихое и безмятежное утро торопился только Петя с болтающимися на веревке форелями и Бобка.

Свернув на тропинку, Петя столкнулся с лагерными пионерами.

— Мальчик, — спросил его один пионер, — что это за рыбы?

— Я знаю, — солидно объяснил товарищам другой, с дерзкими голубыми глазами, видимо главный. — Это форели... Мальчик, а не скажешь ли нам, как пройти к водопаду? — спросил он у Пети с таким видом, как спрашивают взрослые у маленьких, хотя был всего года на два старше.

Пионеры поглядывали назад, на дорогу, ведущую к мосту, и было совершенно ясно, что они удрали из лагеря без спросу. Но Петя этого не заметил. Он оторопело взглянул на них и, махнув рукой в сторону водопада, побежал дальше.

Жени Фомина дома не было. Его маленький, толстый и белобрысый брат, дошкольник Сашка, оказался выжигой. Он играл возле дома, что-то такое сажал в землю квадратным способом.

— Где Женька? — спросил Петя.

— Ушел, — Сашка завистливо глядел на Петину форель. — На дальние огороды. Это у тебя рыбки? Живые?

— Сбегай за ними, — сказал Виктор.

— Дашь рыбку, — спросил Петя.

Пришлось отдать. Сашка побежал не сразу. Он сперва пошел в порослячью лоханку воды и опустил туда форель. Она перевернулась кверху брюхом.

— Дохлая, — сказал Сашка. — Дай другую...

Петя возмутился.

— Она оживет, — торопливо заговорил он. — Обязательно оживет. Отдышится — потом не удержишь! Знаешь, они какие живучие!?

Наконец Сашка убежал.

Дома у Пети собрались в гости. Отец вызывал галстук, а мать гладила нарядное платье.

— Ну, рыболов, — поинтересовался отец, — много наловил? Иди помойся да переоденься. В гости пойдем.

— Вот, — сказал Петя, приподнимая свою одинокую форель над столом и поспешно горяча ее обратно. — Я, папа, за хлебом. Мы еще ловим.

— В гостях пироги будут, — как бы между прочим заметила мать. — Может, всё-таки пойдешь?

— Нет, — вздохнул Петя.

Виктор, конечно, ждет не дожидается подмоги. Петя разыскал в сарае топор, на кухне отрезал краюху хлеба, запихал ее за пазуху, забежал к своему однокласснику Федьке Усову и велел привести на реку отряд третьего «б».

Когда он с Бобкой выбежал на тропку, по всей Водопадной стороне уже началось движение. Хлопали калитки. О чем-то пошептавшись, разбегались в разные стороны девчонки. По садам и огородам в сторону моста быстро и незаметно пробирались ребята с лопатами и топорами, в кустах плыли носилки.

Снова повстречались лагерные пионеры. Вид у них был теперь не такой выглаженный. На ногах появились ссадины и царапины, белые рубашки кое-где были запачканы. По малину, небось, ходили. Петя промелькнул мимо, но голубоглазый заметил таинственное движение вокруг.

— Надо разобраться в этом вопросе, — твердо сказал он. — Куда это они? Ты, Жвакин, ну-ка, бегом за ними. А мы пока почистимся.

* * *

Оставшись один, Виктор еще раз осмотрел поперечную перемышку. Почти цела. За ней,

по всему старому руслу и на отмелях плотно росла молодая осина и ольха. Сама природа приготовила здесь, на реке, материал для постройки. Эти тонкие деревца идут в основу ряжа. Их рубят и укладывают поперек течения, начиная от берега, толстым слоем. Потом по бокам, сквозь уложенный фашинник, втыкают колья с таким расчетом, чтобы доставали дно. Сверху на фашинник насыпают камни, а колья переплетают деревцами потолще. Затем накладывают новый слой фашинника, уже дальше от берега, и опять закидывают камнями, чтобы прижать фашинник ко дну и помешать ему всплыть. Ряж постепенно растет, врезаясь в реку. Переплетенные колья образуют боковые стенки этой корзины и не дают камням рассыпаться.

Виктор забрался на поврежденный ряж. От напора воды он дрожал под ногами. Время от времени всё новые и новые камни, скатываясь, исчезали в реке. Вода будто слизывала их.

Попрежнему сверкали на солнце пенящиеся буруны, блестели мокрые, захлестываемые водой камни, короткие волны в ве-

селой толчее стремительно неслись по главному руслу. Но рев реки стал более грозным и зловещим. Вода прибывала.

В шуме реки Виктор уловил равномерные толчки. Казалось, она дышала. У перемычки вместо тихой заводи теперь крутился водоворот. Перемычку тоже размывало.

Надо было что-то делать немедленно. Пока хотя бы разбить струю, бьющую в перемычку, — уменьшить силу удара. Виктор поднял тяжелый камень, с трудом перенес его и бросил в воду. Камень скрылся под водой. Виктор кинул туда же второй, третий, четвертый...

Он устал. Его стало пошатывать, рубашка на спине взмокла от пота, ноги заломило от ледяной воды.

Виктор догадался: если забраться повыше, — не надо будет перетаскивать камни. Он расковырял тонкий слой земли и стал отваливать влажные валуны. Это было тоже нелегко, но всё-таки они сами скатывались вниз.

Откуда ни возьмись выскочил Бобка и, решив, что Виктор выдумал новую игру, с ходу бросился за скатывающимся камнем. — Болван! — закричал Виктор. — Пошел вон! Раздавит!

Вслед за Бобкой подбежал запыхавшийся Петя с топором. Один за другим подошли ребята Водопадной стороны.

Девочек и малышей поставили на подножку фашинника. Семиклассники только поспевали рубить гибкие прутья. Виктор руководил постройкой ряжа. Отряд третьего «б» во главе с Петей укреплял берег у перемычки.

Стук топоров, грохот сыплющихся камней покрывался грозным ревом реки. Но ребят это уже не пугало. Они работали!

Пока возводили новую плотину, вода стала заливать заросли, под ее напором гнулись кусты. Течение сбilo одного третьеклассника. Он упал с охапкой фашинника, и его поволокло к реке. Упавшего подхватили и поставили на ноги, но Виктор понял: младших надо с работ убирать.

Кто же останется в зарослях? Значит, сдаваться?! Виктор хотел уже послать за взрослыми.

Какой-то рослый голубоглазый пионер тербил его за рукав.

— Ты главный?

— А ты кто такой? — спросил Виктор, вытирая грязные, исцарапанные руки о штаны. Что ему здесь делать, этому аккуратному мальчику?

— Я его знаю, — вдруг закричал Петя. — Он из лагеря.

— «Из лагеря, из лагеря!» — передразнил голубоглазый. — Я людей привел. Куда ставить?

Красные галстуки лагерных пионеров замелькали в зарослях и у перемычки. Очень скоро их чистые рубашки и штаны стали окончательно грязными.

* * *

В лагере всполошились, когда на обед не явилось пятнадцать человек.

— Я ни на минуту не сомневаюсь, что их увел этот Петров, — сказала начальница лагеря Елизавета Сергеевна, пожилая, суровая женщина, почему-то надевая очки.

Она говорила спокойно, но всем было ясно, что «этот Петров» вряд ли отделается легким наказанием.

— Не позднее чем через час дети должны быть найдены! — Елизавета Сергеевна неторопливо повернула голову, в упор посмотрела на старшую пионервожатую Наташу Селезневу, и все поняли, что не сдобровать и Селезневой.

Девушка вспыхнула. Покраснела и ее не успевшая загореть шея.

Елизавета Сергеевна продолжала:

— Этот Петров ваш воспитанник? Вы ведь первый раз работаете в лагере?.. Не сомневаюсь, что именно вы немедленно найдете пропавших детей. Таких случаев в лагере быть не должно...

Пропавших детей действительно нашла Наташа Селезнева. Но не сразу. Она спрашивала:

— Не видели наших пионеров? Таких... в галстуках?

— Как же, видели. Они заметные. По дороге пошли.

Наконец Наташа услышала ребячий голоса и спустилась.

От пережитого голос ее стал злым и резким:

— Лагерные пионеры! — крикнула она. — Сейчас же все ко мне!

Никто не откликнулся. Грязнобелые рубашки продолжали мелькать в зарослях. Прямо на нее какой-то малыш волочил по земле большую охапку фашинника. Он остановился. Круглые глаза его выдавали замешательство. Но сзади напирали другие, раздумывать было некогда, и пионер, опустив глаза, тронулся со своей ношей дальше.

«Ох, — подумала Наташа, оценив обстановку, — была ни была». Она подбежала к малышу и схватила его ношу.

— Наталья Павловна, вы уж не сердитесь, — сказал ей Петров.

— Ладно. Где берут эти прутья? — спросила она.

Петров показал. Наташа сбежала с крутого берега в заросли.

Ряж уже почти был готов, когда подъехала грузовая машина; из нее выскочили отец Пети, старший Юркин и другие люди с топорами и лопатами.

— Эге, — удивился Юркин. — Тут и делать-то нечего. Что вы скажете? А?..

— Нам, знаете, как попадет? — ответила Наташа. — На обед не явились. А одежда? Вы видите?..

— Одежда? Что ж одежда... Сами и вытирают. Или не умеют? Не верю, — сказал Юркин. — А обед-то для такого случая можно и подогреть...

— Шабаш! — звонко скомандовал Петя своему отряду. — Больше не надо!

Мокрый и грязный, с всклокоченными, прильнувшими ко лбу волосами, он подошел к Виктору и мрачно сказал:

— Теперь здесь не половить. Распугали всю рыбу.

Виктор обнял его за плечи:

— Ты не горюй. Мы и в другом месте наловим. У хорошего рыбака, — Виктор подмигнул Пете, — везде клюет...

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЦИФРА

Попробуй помножить 9 на какое угодно однозначное число, и результат, состоящий из двух цифр, всегда в сумме даст 9.

$$2 \times 9 = 18$$

$$1 + 8 = 9$$

$$3 \times 9 = 27$$

$$2 + 7 = 9$$

$$4 \times 9 = 36$$

$$3 + 6 = 9 \text{ и т. д.}$$

Другое свойство этой удивительной цифры заключается в том, что если в каком-нибудь сложном числе изменить порядок цифр, то разность между задуманным и полученным числами всегда составит или 9, или произведение 9 на 2, на 3 и т. д. Взяв, например, число

21 и переставив цифры, ты получишь 12, а разность будет $9 (21 - 12 = 9)$. Возьми 52, переставь цифры и, получив 25, вычти эту сумму из 52. Получишь в остатке 27, то есть 9, помноженное на 3, а сложив 2 и 7, получишь 9 ($52 - 25 = 27 = 9 \times 3$ и $2 + 7 = 9$).

ГЕРОЙСКИЙ ПОСТУПОК

Стефан и Гродзеньская

Молодой человек Томаш Котэк уступил место в трамвае какой-то старухе. Это радостное известие облетело всю Варшаву, и я, немедленно вооружившись репортерским блокнотом, поспешила к месту жительства Томаша.

Долго искать его дом не пришлось: на улице собралась огромная толпа и чествовала героя.

Я с трудом пробралась через плотную стену милиции, охранявшей спокойствие рыцаря вежливости.

Специально созданное Бюро выдало мне пропуск только на завтра. Сегодня добились аудиенции иностранные делегаты, представители Польского радио и кинохроники.

Рано утром следующего дня я с трепетом ожидала своей очереди. Наконец, я предстала перед лицом Котэка. За мной ввалилась толпа репортеров.

Освоившись с треском фотоаппаратов и светом рефлектора, я с волнением устремила взор на великого соотечественника. На первый взгляд его можно было принять за обыкновенного юношу. Но, рассмотревшись поближе, я заметила светившееся благородство в каждой черте его лица.

При виде меня герой вздохнул: «Опять интервью...»

— Прошу вас, расскажите, как вы совершили подвиг, — робко спросила я.

— Хорошо, слушайте. Буду краток... Первого января я проснулся с каким-то странным желанием сделать что-нибудь прекрасное. Я сказал себе: «Начни Новый год геройским поступком, который надолго останется в благодарной памяти современников!»

— Вы так и сказали? — прошептала я, дрожа от восторга.

— Это так же точно, как если бы пани сама слышала меня в эту минуту... Я вышел с твердым решением — не возвращаться домой, пока не сдер-

жу слова. Ах, как я мечтал о том, чтобы какой-нибудь ребенок попал под автомобиль, а я бы спас его или рядом распластался трупом! Я пошел к трамвайной остановке в надежде, что судьба позволит мне осуществить клокотавшие вот тут, — он указал на грудь, — добрые намерения. Подошел трамвай...

— Какой трамвай? Вы не могли бы припомнить?

— Никогда в жизни не забуду. Это был восьмнадцатый номер, — ответил он сдавленным голосом.

Овладев собой, он продолжал:

— В трамвае было тесно. Вдруг какой-то гражданин встал и начал пробираться к выходу. Я не растерялся. Бросился к освободившемуся месту и, после короткой борьбы с другими пассажирами, захватил его. И тут я заметил старушку...

Слушатели затаили дыхание. Котэк, погруженный в собственные мысли, продолжал:

— Нет, я бы, конечно, не обратил внимания на столь повседневное явление. Подумаешь — старуха! Но внутренний голос подсказал: «Томаш Котэк! Ты жаждешь подвига — лови мгновение!» Я не знаю... это было... это случилось... Ах, прошу извинить, мне трудно говорить от волнения...

Он вытер нос и напил воды. В комнате царила мертвая тишина. Репортерские перья смолкли.

— Тогда, — закончил Томаш, — я уступил ей место.

— О, как это необыкновенно и трогательно! — воскликнула я, почти лишаясь чувств. Собрав последние силы, я спросила охрипшим голосом:

— Расскажите, пожалуйста, как это происходило?

— Я встал и сказал: «Садись, старина!»

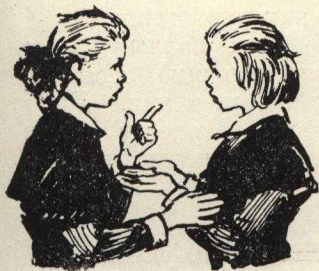
Крупные слезы покатались по моим щекам. Я была растрогана и дрожала. Мужчины рыдали.

Перевел с польского Вячеслав Оболевич

ЕДИНИЦА ИЛИ НУЛЬ?

Мягчайший, как вата,
Характер у Нади:
Со всеми ребятами
Дружит и ладит.

Храбрец и трусишка,
Хитрец и простак —
Ей всякий приятель.
Сумейте-ка так!

* * *

Утром Артём —
Энергичный парнишка —
Наде сказал
Про любимую книжку:

«Здорово, Надька!
Подполье... Тюрьма!...
Надя в ответ:
«Я в восторге сама!»

А вечером Наде
сказала Галина
об этой же книге:
«И нудно, и длинно!

Такая тоска —
Дочитала едва!»
И Надя кивнула:
«Да, да, ты права!»

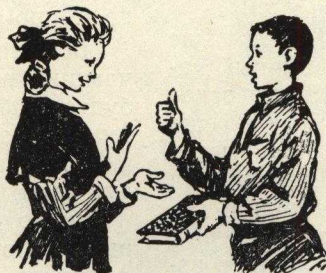
* * *

Случилось, что Тата
Поссорилась с Лидой
И к Наде отправилась
Лида с обидой:

«Ведь Татка во всем
Виновата одна?»
И Надя сказала:
«Конечно, она!»

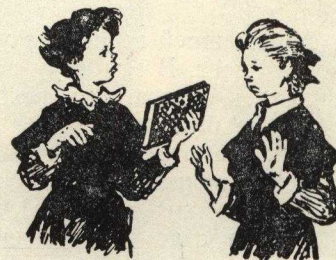
Но к Наде пришла
За сочувствием Тата,
И вышло, что Лида
Во всем виновата.

Подружки
друг к дружке
С тех пор — ни ногой!
А Наденька дружит
И с той, и с другой.

Вот так и жила бы
Надюша в покое,
Но тут происшествие
Вышло такое:

Дразнил Поляков
Безответную Кочину,
Влепил Казаков
Полякову пощечину!

Полкласса вопило:
«За дело! За дело!» —
«Нет, это не метод!» —
Полкласса гудело.

Вопрос обсуждали
На классном собрании.
«Давать или нет
Казакову взыскание?

Кто за?...
Восемнадцать.
«Кто против?...»
Семнадцать...
Одна лишь рука
Не решилась подняться.

В смятенье Надюша
Скосила глаза:
Самсонова — против...
Но Курочкин — за!

Направо, налево
Надюша косится;
Она б согласилась...
Но с кем согласиться?

Закончив подсчет,
Удивился Олег:
«Ведь в классе у нас
Тридцать шесть человек?

А я насчитал —
Тридцать пять...
Не годится!
Товарищи,
Где же еще единица?»

И, глядя на Надю,
Ответил Артём:
«Как видно,
Она оказалась... нулем!»

ВОЕ МОРЕ

К. Лева

На вклейке рисунок В. Курдова

Летят с зимовки гуси, утки, лебеди. Впереди — старые, опытные. Они уже не раз совершали далекое это путешествие и всегда находили дорогу к родным озерам и водоям.

А нынешней весной не узнают птицы знакомых мест. В эту пору всегда широко разливалась Волга. Но такой большой воды здесь не бывало.

Как же это? От моря улетели, и снова морские волны плещутся внизу! Уж не сблизил ли птицы с дороги?

Утиная стая — в смятении. Чуют птицы: где-то тут близко были их гнезда. Но за время зимовки всё здесь изменилось: разлилась Волга от Жигулевских гор невиданно великим разливом. Не найти птицам своего родного заводья.

Что делать? Не лететь же назад! Надо искать новые места для гнездовья.

Вперед, вперед летите, утки! Подальше от большой воды. Ведь это не обычный весенний разлив. Это родилось Куйбышевское водохранилище, созданное людьми. Оно еще только наполняется. Еще выше поднимется вода, еще шире разольется. Сверкающая водная гладь покроет мелкие озера и болотца, зальет ваши гнезда, птицы!

Долго еще будет новорожденное море изменять свои очертания: намыывать мели, обрушивать глыбы земли, обживаясь в своем ложе, как человек в новой квартире.

Тяжелый напор воды, буйная сила реки людям нужна, чтобы получить дешевую электрическую энергию. Для этого и построили здесь гигантскую плотину. Уже дают ток первые турбины Куйбышевской гидроэлектростанции. А вскоре заработают и остальные.

Много пришлось трудиться людям, чтобы построить на Волге такую могучую фабрику электричества.

Самый жаркий бой разгорелся, когда перекрывали главное русло реки.

Не с голыми руками вышел советский человек против Волги.

Люди сбросили в реку много огромных бетонных пирамид.

Больше суток длился шторм. Всё тише становился рев воды. И, наконец, из пены

показались верхушки пирамид. Потом люди обрушили в реку поток камней. И Волга сдалась. Тогда усталые, но счастливые, строители, взявшись за руки, пошли по выросшей среди реки каменной гряде.

Плещутся, вздымаются волны там, где еще недавно были луга, пашни, леса с бесчисленными птичьими гнездами. Да что птичьи гнезда! Двести пятьдесят населенных пунктов переехали на новые места. Теперь они оказались на берегу совсем еще юного моря.

Сколько же людей потрудились, чтобы поднялась здесь плотина, чтобы заработали турбины могучей электростанции, чтобы широко разлилось новое море! Сколько рабочих, инженеров, ученых! А какое множество самых неожиданных вопросов пришлось продумать и предусмотреть заблаговременно!

Вот, например, ихтиологи — ученые, изучающие жизнь рыб. Они уже заранее как будто видели пред собой будущее водохранилище, знали, какой оно окажется величины, каким будет его дно, какие рыбы будут водиться здесь и как сложится их жизнь.

Нужно было позаботиться, чтобы ценных рыб стало как можно больше. Нужно было подумать и о том, где и когда вылавливать рыбу: ведь улов ее должен будет возрасти почти в десять раз!

Куйбышевское море, пятое по счету на Волге, — самое большое в мире водохранилище, созданное людьми. А вскоре еще несколько мощных электростанций будут построены на Волге. И тогда река разольется новыми морями.

Потечет ток волжских электростанций в города и села. Инженеры направят воду в засушливые волжские степи — и расцветет напоенная досыта влагой земля.

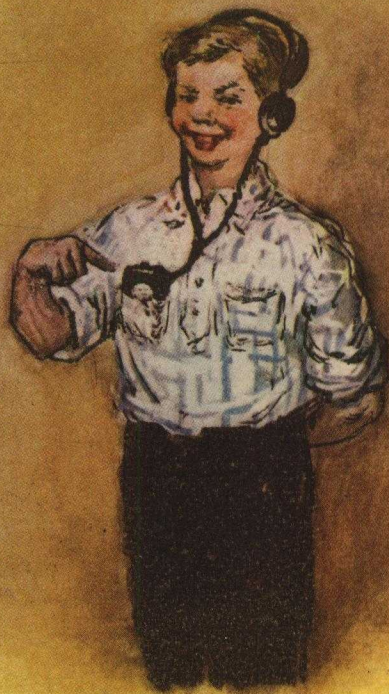
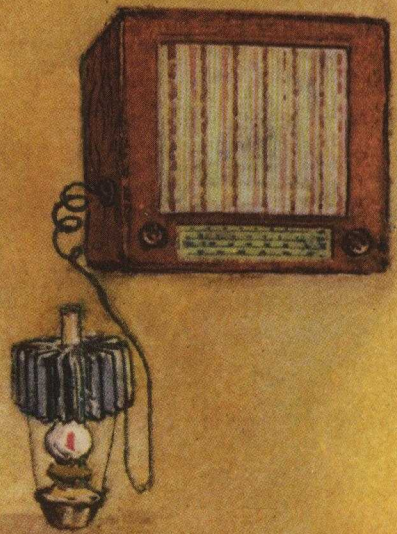
Прекратятся буйные паводки, исчезнут мели и перекаты. Ведь в водохранилищах всегда будет вода «про запас».

По широкому водным просторам пойдут баржи, вереницы плотов. Разрезая волны, поплывут морские красавцы-пароходы. И новые песни зазвучат над Волгой. Песни, славящие человеческий разум и труд.

12

7HRT 7H

ВОЛШЕБНЫЕ БРУСОЧКИ И НИТ

Е. Норданишвили

Рисунок на вклейку

Как «ненужные» вещества стали нужны всем

В глухом лесу под раскидистыми ветвями столетних дубов приютилась землянка партизанского штаба. Над картой при свете огарка свечи склонился командир отряда. Рядом с ним его помощники. Командир взглянул на часы, — близится время, когда надо будет посылать донесение на «Большую землю».

Но почему это радист, позавывав про свой радиопередатчик, занялся костром, разведенным у землянки? Над костром подвешен котелок, в котором кипит вода. Подложив в костер веток, радист спускается в землянку и точно в положенное время начинает передавать радиogramму.

Каким же образом на этом островке советской земли, затерявшемся в лесной глуши, работала партизанская радиостанция? Ведь ее могли бы питать только «копилки электричества» — аккумуляторы. Но их нет.

Приглядевшись, глаз обнаруживает провода, протянутые в землянку от... котелка с водой. Так вот какова она, эта загадочная электростанция!

У котелка двойное дно, такое же оно и у обычного электрического чайника. Но металлической спирали, которую в чайнике нагревает ток, здесь нет. Вместо нее в дне котелка уложены какие-то маленькие брусочки. В них и рождается электрический ток, который питает партизанскую радиостанцию.

С виду брусочки — металлические. Но это только с виду. На самом же деле они изготовлены из полупроводников — особого материала, который проводит электрический ток гораздо хуже, чем металлы.

Полупроводников вокруг нас очень много. Но пока ученые знали только об их недостатках, никто ими не интересовался. Однако четверть века назад в полупроводниках стали открывать новые свойства, одно удивительнее другого. И «ненужные» полупроводники сразу стали нужны всем.

Лампы-электростанции

Можно ли уместить электростанцию на обыкновенном обеденном столе или, еще того больше, подвесить к потолку?

Вы скажете: «Что за глупые вопросы, и кому такая ерунда может прийти в голову?»

А между тем всё это вовсе не ерунда, — такие электростанции теперь можно увидеть и в самом деле.

Посмотрите на лампу, которая нарисована на цветной картинке. С виду она лампа как лампа, и ничего особенного в ней как будто и нет.

Но это, как и в случае с котелком, только с виду. В действительности же эта лампа — маленькая электростанция.

Вы видите, — на нее надет даже абажур. Он, правда, сделан не из ткани и не из стекла, как все обычные абажуры, а из алюминия. Да к тому же от

него к радиопроводу, уходящему к радиопроводу.

Стоит только поднести к лампе зажженную спичку — и «электростанция» заработает.

Каким же образом обыкновенная керосиновая лампа превратилась вдруг в электростанцию? Ведь прежде, когда в нее наливали керосин, никакого электрического тока она не давала! Теперь же ток вырабатывают те самые полупроводники, с которыми мы познакомились, разглядывая партизанский котелок.

«Лампа-электростанция» и светит, и питает ток радиоприемник. А вот на примусе или керосинке можно и обед приготовить, и электрическим током досыта «накормить» даже такую колхозную радиостанцию, как «Урожай». А ведь она обслуживает сразу несколько МТС!

Мы рассказали об удивительных превращениях котелка и обыкновенной керосиновой лампы. А разве нельзя батарею из полупроводников поместить в дно котла центрального отопления? И тогда паровой котел также превратится в электростанцию. Значит, с помощью полупроводников везде, даже в простой русской печи, вместе с теплом можно получать электрический ток! Вот почему это открытие науки сулит нам такое же великое будущее, как и победа, одержанная над атомом.

Улицы обогревает комнату

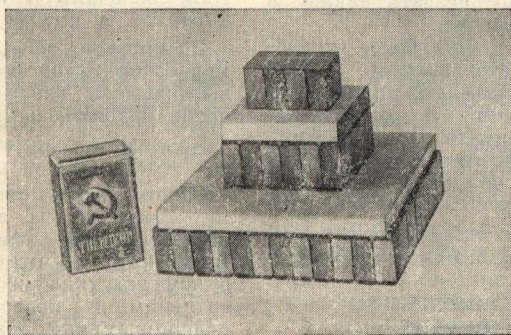
Можно ли отапливать квартиру холодным воздухом с улицы, беря тепло у мороза?

«Странный вопрос», — удивитесь вы.

Ваше удивление, пожалуй, еще больше возрастет, если мы предложим в знойные летние дни охлаждать квартиру, отдавая тепло жаркой улице.

Однако ничего странного на самом деле в таком предложении нет. В Институте полупроводников в Ленинграде построили холодильник. В нем нет ни электродвигателя, ни трубок с охлаждающей жидкостью, какие бывают в обычных холодильниках. А полупроводники, которые в котелке и лампе вырабатывали электрический ток, здесь еще «приготавливают» и холод.

Но в котелке и лампе полупроводники превращали теплоту

Сто брусочков из полупроводников и одна спичечная коробка.

в электрический ток. В холодильнике же с помощью электрического тока тепло «перекачивается» с одного места в другое. И в нем потому и оказывается холодно, что полупроводники «выкачали» оттуда тепло в комнату.

Конечно, таким холодильником не то что целую квартиру, а и одну комнату не охудишь. Но можно ведь в разных комнатах установить батареи из полупроводников. И тогда они охладят всё помещение, «перекачав» тепло на улицу.

И вот что интересно: направление тока в холодильнике можно изменить. Тогда он по вашему желанию будет не охлаждать пищу, а подогревать ее. То же самое не трудно заставить делать и батареи из полупроводников, которые вы расставите в разных комнатах. И тогда они станут обогревать помещение, перекачивая тепло с улицы в квартиру.

«Электрические глаза»

«Астрономическая столица» мира, как называют Пулковскую обсерваторию под Ленинградом, славится своей службой точного времени.

Но самые лучшие часы, как правило, в течение суток или совсем немного уходят вперед, или наоборот — отстают.

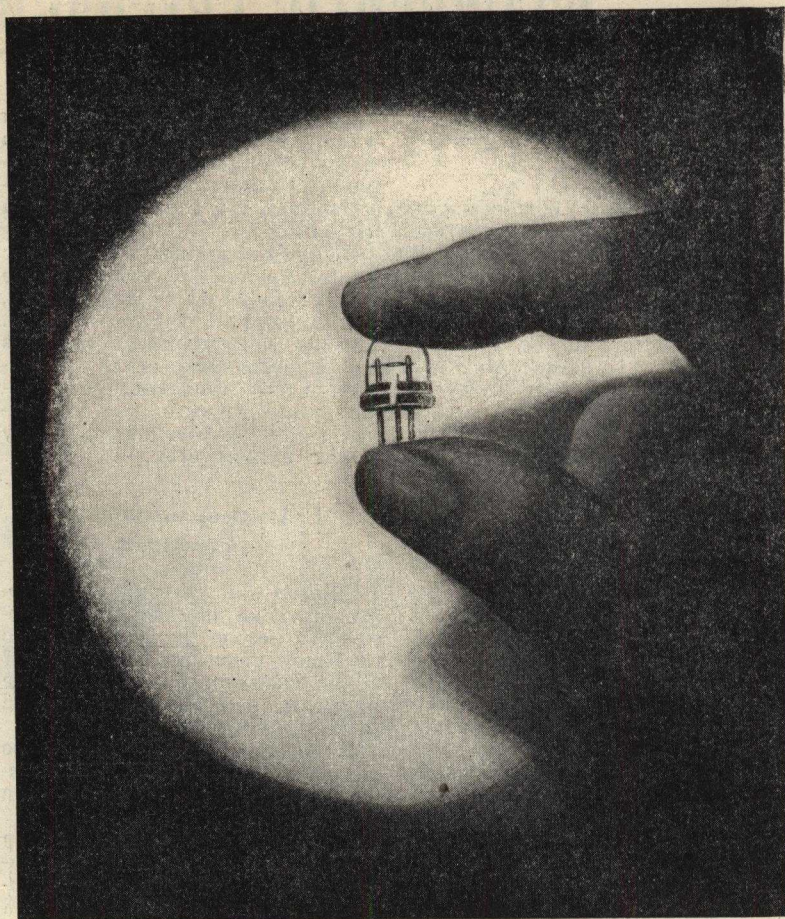
В Пулковской же обсерватории у часов необыкновенный циферблат — звездное небо. Известно, что за сутки звезды обходят небосвод, и ученые, направляя на них свои зрительные трубы — телескопы, давно научились наблюдать движение звезд. Научившись же делать это, они построили «звездные часы», которые никогда не делают ошибок.

Однако человеческий глаз — прибор далеко не точный. И вот пулковский астроном Н. Н. Павлов решил заменить его «глазом электрическим» — фотоэлементом.

Десять лет трудился ученый, создавая свой прибор. И вот, наконец, на узкой ленте, которая проходит перед прибором, появились две первые записи.

Одну из них сделала сама звезда. В другой же отмечалось время, когда луч света, брошенный ею, упал на фотоэлемент. Так звезда стала «расписываться» о своей явке на службу точного времени.

«Электрические глаза» никогда не устают и не ошибаются. Они

Этот маленький полупроводник заменяет нынешнюю громоздкую радиолампу.

во много-много раз чувствительнее человеческого глаза. Они видят даже невидимые для наших глаз лучи. Для них и ночная тьма — не помеха. Вот почему эти маленькие приборы с крошечным кусочком полупроводника можно назвать также и «ночным глазом».

Но есть и еще более удивительные фотоэлементы. В них роль «топлива» выполняют солнечные лучи. В «солнечных электростанциях», вместо больших и тяжелых машин, будут маленькие полупроводники.

Такие «электростанции» уже созданы в лабораториях. Они легко умещаются на ладони.

Радиостанция в кармане

Взглянешь на какой-нибудь полупроводниковый прибор — и невольно подумаешь: «Ну, какой

толк может быть от такой маленькой бусинки или тонкой нити?» Однако именно эти бусинки и нити заставляют теперь потесниться самые сложные машины и аппараты. Великая сила человеческой мысли и долготы, большого труда — в этих бусинках и нитях.

Посмотрите на рисунок: из маленького кармашка мальчика выглядывает какой-то предмет, очень похожий на часы.

Но если это часы, то почему они соединены с наушниками?

Ответ совсем простой: предмет этот не часы, а карманный радиоприемник. Маленький он такой потому, что радиолампы в нем уступили место полупроводникам. И проводов в этом радиоприемнике тоже нет. На пластинке-изоляторе особым составом напечатаны тонкие линии схемы. Они-то и проводят электрический ток.

«Но откуда же в кармане вдруг возьмется электрический ток?» — спросите вы.

Да очень просто: стоит только небольшой полупроводниковый фотоэлемент выставить на свет, и электрическая энергия для работы радиоприемника будет получена от солнца.

Такой же крошечной может быть и антенна.

Радиоприемники и радиопередатчики, размером в две-три спичечные коробки, скоро ста-

нут совсем обычным делом. И тогда не только в дальнем путешествии или в экспедиции, но и во время прогулки по городу, в любую минуту мы сможем связаться по радио с другим обладателем такого же радиоприемника и радиопередатчика.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как родилась наука о полупроводниках.

Но и за какую-то четверть века ученые сделали очень много, чтобы заставить полупровод-

ники служить людям. И большая заслуга в этом принадлежит советскому академику Абраму Федоровичу Иоффе. Однако еще очень многое предстоит сделать в будущем. И не только ученым и инженерам, но и ребятам, которые сегодня сидят еще за школьной партой. Сколько же удивительных тайн откроют вам тогда полупроводники!

Наш подарок

Лариса
Иванова,

ученица 5-го класса
207-й школы Куйбышев-
ского района г. Ленин-
града

Пионеры нашей дружины начали готовиться к Всемирному фестивалю молодежи, который состоится в 1957 году в Москве.

Мы пошлем на фестиваль два знамени. По нашей просьбе, участники фестиваля отвезут их в подарок венгерским и китайским пионерам.

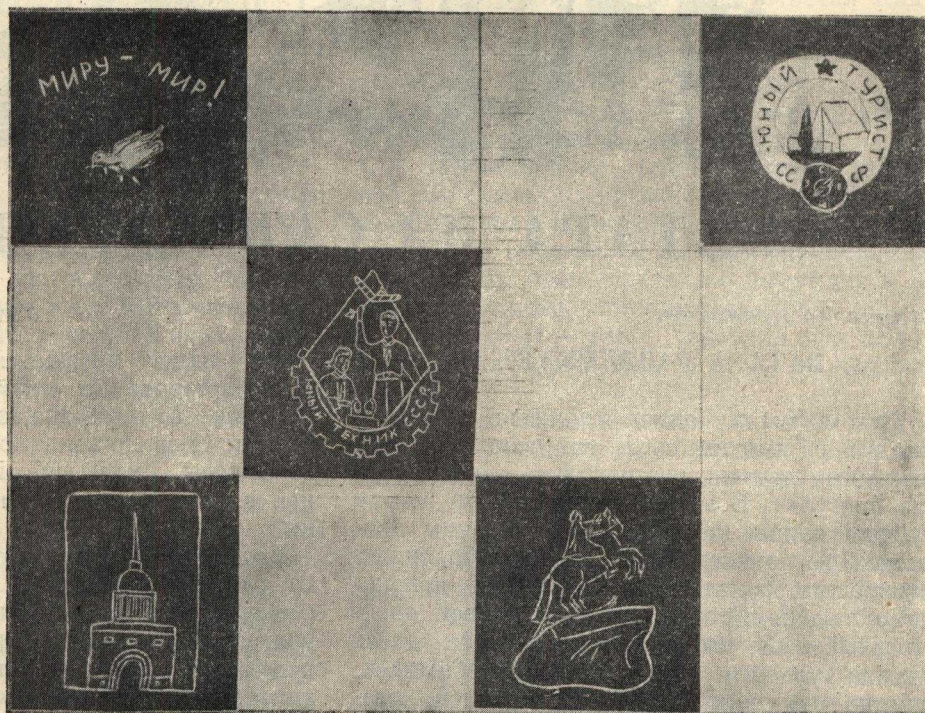
Знамена мы сошьем сами. Каждое будет состоять из 16 отдельных вышитых рисунков.

Мы купили красного сатина, разрезали его на 32 одинаковых прямоугольника и роздали звеньям.

Одни звенья взялись вышить значки юного туриста, авиамоделиста, юного натуралиста; другие — виды Ленинграда, третьи — эпизоды из школьной жизни.

Например, будет вышит цветной рисунок, изображающий, как пионеры дарят ребятам детского сада игрушки. Это о пионерах 4-го «А» класса.

Наше звено вышивает вид на Петропавловскую крепость со стрелки Васильевского острова.

Илья Азаркевич,

ученик 5-го «Б» класса 207-й школы
Куйбышевского района г. Ленинграда.

Наше звено решило вышить здание Адмиралтейства. Каждому досталось выполнить часть рисунка.

Вскоре и до меня очередь дошла — вышивать стебельчатым швом шпиль Адмиралтейства.

До этого мне никогда не приходилось держать иголку в руках. И уж, конечно, я не знал, что такое «стебельчатый шов».

Но и отказаться было неловко: все ведь вышивали.

Я не знал, что делать. Обратиться к маме я не решался;

мне казалось, что она будет смеяться.

Тогда я пошел к соседке по квартире и попросил, чтобы она мне показала, как вышивать этим самым швом.

Это оказалось нетрудно. Я выбрал время, когда все ушли из дому, заперся и принялся за работу. И всё получилось здорово, не хуже, чем у девочек.

Когда вернулась мама и увидела мое вышивание, она не стала надо мной смеяться и похвалила меня за старание. Она даже сказала, что шпиль Адмиралтейства вышит лучше, чем всё остальное.

БАТАГА ИЗ САН ЛОРЕНЦО

Марчелло Арджилли

Рисунки Н. Петровой

БАТАГА РАЗВЛЕКАЕТСЯ

Летом, когда солнце клонится к закату, воздух в Риме так свеж, так позолочен угасающими лучами, что невольно тянет выйти на прогулку. В этот час тротуары в центре города полны народа, словно по ним движется нескончаемая процессия. На лицах гуляющих безмятежный покой и довольство людей, которые заслужили свой кратковременный отдых. Чаше всего здесь можно увидеть целые семьи: ребятшек, шумно бегущих впереди, родителей, степенно шествующих под руку, иногда в сопровождении служанки или бабушки, которая то и дело обмахивается старомодным веером.

Идут медленно, перемежая неторопливые слова глубокими вдохами, будто для того, чтобы захватить и унести домой побольше вечерней свежести, благо она даровая. Лишь изредка автомобиль, обгоняя пешеходов, замутит воздух струей бензиновой гари, да порой полусонная извозчицья лошадка протрусит ленивой рысцой, оставляя после себя острый запах коношни.

Короче говоря, если у людей нет денег на поездку к морю или в горы, они могут чувствовать себя летним вечером на улицах Рима как на даче. Но представьте себе, что получается, когда в это чинное спокой-

ствие вдруг врывается с диким криком толпа оборванных ребятшек. Выбежав из ближайшего переулочка, они мчатся по улице с растопыренными руками, изображая аэропланы. Гуляющие шарахаются в стороны, словно на них напали тучи разъяренных комаров.

Так произошло и в этот четверг на Корсо — главной, наиболее оживленной улице столицы. Батага ребятшек, налетев, как ураган, врзалась в самую гущу спокойно гуляющих горожан. Впрочем, это был не ураган, а воздушная эскадрилья. Об этом следовало догадаться по пронзительному завыванию сирен и широко распростертым крыльям. Но у взрослых мало воображения. Поэтому прохожие принялись браниться:

— Что за безобразие? Невежи!..

— Дьяволенок, ты чуть не свалил меня!

Пятеро мальчишек и одна девочка в ответ на эти окрики только удвоили свое усердие. Теперь бомбардировщики пикировали на толпу с невообразимым, всё нарастающим воем.

Откровенно говоря, эта игра сама по себе мало интересовала ребят. Им просто нравилось смятение, которое она вызывала. В самом деле, взбудоражить главную улицу города — немалое удовольствие для окраинной детворы. Оно стало бы еще больше, займись их проделками полицейский. Но на

этот раз им не повезло: блюстителя порядка вблизи не оказалось.

Поэтому игра скоро надоела, и ребята двинулись на большую, красивую площадь, озаренную последними лучами солнца.

— А теперь что будем делать? — спросил старший из них, Марко.

— Пойдем смотреть витрины, — предложила Джованна. — Там выставлены такие дурацкие платья, — будет над чем посмеяться.

Идея понравилась, но не всем.

— Ох, уж эти женщины! — воскликнул Пертика, высокий, худощавый мальчуган. — Есть вещи куда занятней. Видите, напротив — театр? Скоро кончится концерт, публика начнет расходиться. Вот где будет смеху! Однажды я целый час простоял. Интересно! Мужчины все в черном, важные, как факельщики на похоронах. Женщины разряжены в пух и в прах, увешаны ожерельями и всякими побрякушками, как диарки... А кланяются вот так...

Пертика показал, как кланяются богатые синьоры и как отвечают им чопорные дамы. Его ужимки вызвали у ребят взрыв смеха. Предложение было принято.

Только Джиджино, двенадцатилетний мальчик, единственный тщательно одетый, с гладкой чолочкой на лбу, недовольно поморщился:

— А мне нравится музыка, и я ничего не вижу здесь смешного!

— Господские штучки! — презрительно отозвался Марко. — Только таким маменькиным сынкам, как ты, могут нравиться.

Замечание вызвало общий смех. Смеялась и Джованна. С мальчишками она держалась так, что и сама могла сойти за мальчишку.

Ватага двинулась к театру. Джиджино обиженно плелся позади.

Пертика говорил сухую правду. Расходившаяся после концерта публика действительно оказалась очень занятой. Пожилые и молодые люди, важные, нарядные выходили из театра. У порога они рассыпались в любезностях:

— Прошу, прежде — вы...

— Ах, как можно! Нет, нет, сначала вы...

Следовали галантные расшаркивания, слащавые улыбки.

Наблюдавшие эту картину ребята веселились от души.

Пертика с блеском прирожденного комика передразнивал:

— Прошу, прежде — вы...

Другой мальчик, по прозвищу Раджоньере (Счетовод), сверкая живыми, умными глазами, отвечивал любителям музыки почтительно низкие поклоны.

— Коляску синьору! — восклицал он с неподражаемым жестом, как это делают солидные швейцары. Затем строил удивленную гримасу и добавлял:

— Как?! У вас нет коляски? Значит, есть специальный вагон? Эй, поезд синьору! Живо!

Кое-кто из публики возмущался:

— Поди прочь, нахал!

— Понимаю! — невозмутимо отвечал Раджоньере. — Значит, у синьора нет специального вагона! Выходит, что на концертах бывает и голытьба вроде нас...

Ватага была ужасно довольна: в такую игру им довелось играть впервые.

— Пертика, ты гений! Ловко придумал... — сказал десятилетний Беппоне, самый младший из всех. Но Пертика не удостоил его ответом. Толстый, простоватый Беппоне не был горазд на выдумки, и к нему относились немножко свысока.

— Замолчи! — резко перебила его Джованна. Она обернулась и стала прислушиваться.

Ребята с любопытством взглянули на девочку и тоже повернули головы. Справа донесся тоненький, слегка дрожащий голосок:

— «В 1859 году, во время войны за освобождение Ломбардии», — голос отчетливо произносил слова, точно читал книгу. В нем было что-то, заставившее детей насторожиться. Необычный был этот голос. То есть он был такой же, как все, с чистым итальянским произношением, но в его струящемся тембре было что-то загадочное, словно он исходил от существа, непохожего на других.

— «...небольшой отряд кавалерии из Салюццо медленно двигался по дороге...»

Ребята вертелись во все стороны, мешали прохожим. Охваченные необъяснимым любопытством, они искали взглядом того, кому принадлежал этот голос.

Вдруг дети увидели его.

Это был мальчик лет четырнадцати. Худенький, бледный, с нежными чертами лица. Он сидел на приставленном к стене складном стуле, недалеко от входа в театр. Голова его была чуть откинута назад, тоненькие руки лежали на большой раскрытой книге, которую он держал на коленях. Мальчик был одет в старый, выцветший, не по росту короткий плащ. Из-под берета вы-

бывались спутанные пряди каштановых волос. Во всей его фигурке было столько беспомощности и в то же время мягкости, что буйная шестерка растерянно примолкла.

Прохожие толкали загораживающих путь ребят, но те не отрывали глаз от мальчика, который, казалось, разговаривал сам с собой:

«...знамя сопровождали офицер и сержант, взоры всех были устремлены вперед...»

В это мгновение проходившая мимо мальчика изящно одетая дама споткнулась о его ногу и в смущении остановилась.

— Ах, бедняжка! Извини, пожалуйста... — пробормотала она. Порывшись в сумочке, дама вынула несколько монет и бросила их в полуприкрытую книгой чашку, стоявшую на коленях мальчика.

— Спасибо! — просто сказал он и продолжал чтение. Его длинные, тонкие пальцы легко скользили по книге, переворачивая страницы. Тут только дети поняли, что он читает рассказ и рассказ этот хорошо им знаком. Мальчик читал «Маленького ломбардского часового», высоко подняв голову и совсем не заглядывая в книгу.

— Так читают слепые! — вполголоса заметила Джованна.

— Да, — так же тихо подтвердил Джиджино. — Они читают пальцами. У них в книгах выпуклые точки вместо букв.

Никто больше не проронил ни слова. Все смотрели на мальчика, и им было неловко: они видели его, а он даже не подозревал, что за ним наблюдают.

Слепой сидел с чуть запрокинутой головой, и его слабенький голосок терялся в уличном шуме. Он казался таким одиноким среди сутолоки большого города. Люди проходили мимо, не обращая на него внимания, а он продолжал читать, словно разговаривал сам с собой.

Наконец театральная публика разошлась, только шестеро ребят остались около слепого. Они боялись, как бы он не почувствовал, что на него глазуют, и не обиделся. Ребята молча перешли площадь и уселись на парапете. Отсюда они хорошо видели слепого.

— Как это несправедливо, что такой же мальчик, как мы, должен быть слепым! — пробормотал Джиджино.

— Верно, зачем на свете бывают слепые? — заметила Джованна.

На город уже спускались вечерние тени. Дети забыли всё: свое вторжение на центральные улицы, свои дерзкие проделки,

забыли про время... Перед ними была вопиющая несправедливость. Они с горечью чувствовали, что не могут устранить ее.

Вдруг дети вскочили. Дюжина ног выпрямилась, дюжина рук судорожно сжалась. Около слепого словно выросла из окружающего сумрака старуха в черном платье. Резким движением она коснулась его плеча. Слепой испуганно вздрогнул, торпливо захлопнул книгу и, качнувшись, встал со стула.

Не успели дети опомниться, как слепой сложил свой стульчик с кожаным верхом, взял подмышку книгу, и они пошли. Старуха бесцеремонно тащила его за руку, а он, задыхаясь, неуверенными шагами еле поспевал за ней.

Когда мальчик и старуха, перейдя площадь, поравнялись с ватагой, слепой ткнулся на обочину тротуара и упал. Старуха пинком заставила его подняться.

— Болван! Ходить не умеешь!

— Извините, я постараюсь быть осторожнее, — пролепетал мальчик.

Свет фонаря упал на худенькое лицо слепого, и на мгновение стали видны его глаза. Они были ясные, голубые и, как казалось детям, полны печали и страха.

Через несколько минут мальчик и старуха скрылись в вечернем сумраке.

Только тогда ребята опомнились. Повсюду на площади горели фонари, сверкали неоновые рекламы магазинов. Уже давно пора было идти домой.

На обратном пути, проходя мимо бара, ребята остановились около мальчика в белой куртке, который старательно протирал тряпкой стекла витрины. Он делал свое дело с очень важным видом. Опрятная одежда, прилизанная причёска, белый галстук в крапинку придавали ему забавную изысканность, и весь он, казалось, был переполнен чувством собственного достоинства.

— Извините, не знаете ли вы что-нибудь о слепом мальчике? — спросила его Джованна.

Гарсоне выпрямился и быстро спрятал тряпку за спину.

— Чем могу служить? — спросил он тоном, каким спрашивал обычно посетителей бара.

Когда ему повторили вопрос, он, поджав губы, вежливо ответил:

— Я работаю здесь шесть месяцев. Помощником камерьере. И должен сказать, что вижу слепого каждый день. Утром старуха приводит его, а вечером является и уводит. Угодно еще что-нибудь узнать о нем?

— Нет, хватит, — с досадой сказал Марко, который не выносил напыщенных манер.

Гарсоне поклонился и возобновил свое занятие, а дети пошли дальше.

Обычно, возвращаясь вечером, они играли в «поезд» и «аэроплан», это помогало скорей добраться до дома. В этот вечер им не хотелось играть. Сердца их были полны непонятной горечи.

Шли молча, с опущенными головами, не обращая внимания на негодующие окрики прохожих, на которых они натыкались. Ребята думали о слепом мальчике. Кто он? Как он живет? Кто эта старуха?

О ЧЕМ МЕЧТАЛ СЛЕПОЙ

Слепой услышал, как за ним захлопнулась дверь. Он был дома, если можно назвать домом жалкую деревянную хибарку, лепившуюся под аркой древнего акведука на самой окраине Рима.

Старуха отпустила его и нетерпеливо прохрипела:

— Давай деньги!

Слепой вынул из кармана горсть мелочи. Старуха поспешно выхватила ее и обшарила все его карманы. Мальчик ощупью пробрался к своей кровати и сел. Он ждал, когда кончится позвякивание монет, которые старуха пересчитывала на колченогом столе.

Как только звяканье прекратилось, начались упреки:

— Опять мало! Совсем мало... Тебе всё нипочем, а я должна тебя кормить. Сколько раз учила я тебя, как надо просить! Ты не понимаешь, какого труда стоит заботиться о беспомощном бедняге вроде тебя, одевать, кормить... Не будь упрямым! Тебе надо только побольше кланяться и плакать, чтобы разжалобить прохожих. Кто откажет в хорошей милостыне слепому мальчику? Ты должен хотя бы хныкать, если не можешь плакать, и всё время твердить: «Сжальтесь надо мной, подайте милостыню бедному слепому, никогда не видевшему луча света»... Ну, что тебе стоит? Тогда бы ты приносил домой серебро, а не эти жалкие сольди...

Слепой молчал. Всего могла требовать от него старуха, только не притворного выпрашивания. Этого он ни за что не сделал бы, даже если бы его били палкой, как в тот раз, когда старуха заподозрила его в краже милостыни. А потом оказалось, что монеты провалились за подкладку дырявого кармана.

Нет, просить он не станет. Дадут, — скажет «спасибо», вот и всё.

Поговорив еще немного, старуха стала готовить на очаге ужин.

Слепой сидел неподвижно. Он чувствовал запах пищи, но не решался спросить, что готовят.

В голове его, как всегда, бродили странные мысли. Сейчас мальчик пытался вспомнить, когда его называли по имени. Очень давно! В последний раз это было в тот вечер, когда он принес старухе вдвое больше денег, чем обычно. Какой-то господин, наверно по ошибке, бросил в его чашку ассигнацию в пятьсот лир. Наверно, — сумасшедший. Прохожие обычно давали по пяти, редко по десяти лир. Как бы то ни было, в тот вечер старуха была очень ласкова с мальчиком и даже назвала его по имени.

Временами слепой забывал, что его зовут Орландо.

«Для меня это слишком большое имя», — думал он порой, повторяя его по нескольку раз. Почему-то это имя напоминало ему лошадь, громадную, сильную, ростом, по крайней мере, вдвое выше его. Лошадей он представлял себе добрыми: добротой веяло на него от медленного цокота и запаха сена, когда вблизи него проезжали извозчичьи экипажи.

Как хорошо было бы прокатиться в таком экипаже, а потом попросить:

— Извините, синьор извозчик, не позволите ли вы мне потрогать лошадь? Я сле-

пой, и если не потрогаю ее, то не буду знать, как она выглядит...

Извозчик, конечно, разрешил бы ощупать ее: ведь всякий, кто имеет дело с лошадьми, должен быть добрым, как они.

Мечты мальчика прервала старуха. Она поставила ему на колени тарелку с жидкой похлебкой и сказала:

— Ешь. А вот тебе и хлеб с сыром.

В комнате слышен был запах жаркого, но старуха ничего не говорила о нем, и слепой ни о чем не спрашивал.

Он молча съел свою похлебку, а хлеб и сыр отложил, чтобы съесть перед сном.

«Ах, если бы всегда был день и я всегда мог бы находиться на площади! — со вздохом думал он. — Там, по крайней мере, бывает солнце, тепло которого так приятно чувствовать на лице».

Орландо родился слепым. Мир был для него сплошной тьмой, полной неведомых вещей и людей, всегда находившихся в движении. Среди этой сумятицы он двигался на цыпочках, с вытянутыми вперед руками. Как хорошо, должно быть, зрячему! Не чувствовать себя таким одиноким, окруженным пустотой, иметь возможность прикоснуться к любой вещи...

«Интересно, — рассуждал иногда с собой Орландо, — сколько времени надо идти человеку, чтобы дойти до самой последней вещи, которую можно потрогать? Десять минут? Час? Год?»... Он не знал даже, что такое горизонт. Его горизонт был на расстоянии вытянутой руки.

Из того, что люди иногда проявляли к нему жалость, он заключил, что жизнь его гораздо несчастнее в сравнении с их

жизнью. Он испытывал острую потребность довериться кому-то, кто помог бы ему разобраться в окружающем, кто объяснил бы ему, рассказал: «Жизнь — это то-то и то-то... Мир устроен так-то и так-то»... Но кто мог сделать это?

Старуха, у которой он жил, не была его матерью. Он не помнил своих родителей. Они умерли, когда он был совсем маленьким. Он часто вспоминал их, хотел, чтобы они были с ним, но воспоминания и желания эти были неясными. Он не мог отчетливо представить себе, что значит для ребенка иметь родителей. Чувствовал только, что они должны быть полной противоположностью жадной и злой старухе. Сколько он помнил, всё время, с самых ранних лет, он жил у нее и она всегда заставляла его просить милостыню.

На площади возле театра он чувствовал себя лучше, чем где бы то ни было. Когда уличное движение ослабевало, до его слуха доносились звуки концертной музыки. Музыка была его величайшим удовольствием, как всё, что не надо было ни видеть, ни ощупывать. Эта тяга к музыке выражалась у Орlando и в том, что он любил играть на гармонике, которую давала ему старуха. Но случалось это редко.

Книгу свою он знал наизусть, она всегда была одна и та же. Ему хотелось прочесть другие книги, узнать, как живут зрячие люди, что их окружает, как устроен мир, в котором они находятся... Но старуха сказала, что книги стоят дорого и что есть вещи поважнее, которые надо купить. «Наверно, мяса на жаркое»... — подумал он с горечью, но без зависти.

Мальчик вовсе не был ни жадным, ни лакомкой. Желания его были просты и наивны; они не шли дальше того, что могло помочь ему легче переносить свое одиночество или лучше удовлетворять свое любопытство. Ему хотелось прокатиться на извозчике экипаже, вдыхая запах свежего сена, или сидеть втихомолку с гармоникой и играть всё, что придет в голову.

Всегда, когда слепой начинал мечтать, чаще всего он думал о море!.. Ему очень хотелось почувствовать его запах, услышать его шум, догадаться, как оно выглядит. Его всегда тянуло к морю...

Вдруг Орlando почувствовал, что около его кровати стоит старуха, и невольно съежился. Она подходила либо для того, чтобы отнять деньги, либо для того, чтобы ударить мальчика. Но на этот раз он был счастливее.

— Завтра дам тебе гармонику, — сказала старуха. — Только играй веселей. Собери больше денег, иначе тебе не сдобровать.

Орlando облегченно вздохнул. Старуха не часто баловала его.

СЛЕПОЙ ЗНАКОМИТСЯ С ВАТАГОЙ САН ЛОРЕНЦО

Два дня спустя после описанных событий Марко и пятеро его друзей шли по одной из улиц Рима.

По воскресеньям Марко был свободен. Остальные дни недели он работал подмастерьем у своего дяди-маляра. После смерти отца мать бралась за всякую случайную поденщину, но зарабатывала гроши, и Марко помогал ей, как мог.

Задуманная ребятами игра на этот раз протекала вяло. Нельзя сказать, чтобы она была скучной, — наоборот! Надо было бежать вдоль стены и, не останавливаясь, срывать куски афиш. Побеждал тот, у кого в конце улицы оказывалось больше всего обрывков бумаги.

Победила Джованна. Но на этот раз удача не доставила ей удовольствия. Она думала о другом.

Последним прибежал Джиджино. Ему посчастливилось сорвать целую афишу.

— Джованна, смотри: объявление о конкурсе! Кажется, на учителя...

Джованна собиралась через год-два поступать в учительскую семинарию. Ее мать — школьная уборщица — мечтала о том, чтобы дочь тоже работала в школе, только не уборщицей, а учительницей.

— Очень ей нужны твои конкурсы, — пренебрежительно заметил Марко. — Сейчас каникулы.

— Вот невежа! — возразил Джиджино. — Кто учится, тот всегда интересуется такими вещами.

— Не очень гордись, что ты школьник, — вмешалась Джованна. — Марко не зубрит латынь, как ты, потому что должен работать. Зато он смелее тебя. Он наш вожак и капитан футбольной команды. А тебя даже в команду не приняли. Кроме того, — добавила она, кинув взгляд на афишу, — тут говорится совсем о другом — о школе артиллерийских офицеров. Если это и подходит кому, так только не тебе!

Эти слова вызвали общий смех. Все знали, что Джиджино далеко не отличался храбростью. Правда, он прекрасно учился в школе; но в глазах ватаги это не имело большого значения.

— Чем же мы теперь займемся? — спросил Марко. У него было готово предложение, но он не решался высказать его из опасения, что оно будет отвергнуто.

Некоторые ребята предложили другие игры, но их отклонили. Все думали об одном и том же, хотя никто не хотел высказаться первым.

— Ну, что нам притворяться! — вырвалось, наконец, у Джованны. — Пошли к слепому, и всё тут... Никто спорить не станет.

Она не ошиблась.

Придя на площадь, дети сразу увидели слепого на обычном месте, у входа в театр. Он сидел на своем стульчике, одетый — хотя было довольно жарко — всё в тот же старенький короткий плащ, только на коленях, вместо знакомой книги, была гармоника.

В утренние часы площадь выглядела иначе, чем вечером: она казалась шире и многолюднее. На мраморных фасадах зданий играли лучи ослепительного солнца. Многочисленные прохожие в разноцветных летних костюмах напоминали медленно движущийся цветник. Только слепой оставался равнодушным к этому обилию света и красок. Для него не существовало разницы между днем и вечером.

— Сколько у нас в кассе? — вдруг спросила Джованна.

Раджоньере извлек шитую из листов тетрадку.

— Тысяча девятьсот двадцать четыре лиры, — сказал он, заглянув в свои записи.

Раджоньере был кассиром ватаги. Эту обязанность возложили на него потому, что его отец служил в писчебумажном магазине и снабжал его листками, на которых было напечатано: «Дебито» и «Кредито».

— Вполне достаточно, — сказала Джованна. — Дай мне пятьдесят лир.

— Что!? — воскликнул изумленный Раджоньере, для которого собранные ватагой деньги были дороже всех сокровищ мира. — Но ведь мы должны купить мяч и заплатить за футбольную площадку. Это вопрос чести!

Джованна сощурила глаза. Когда они становились у нее узенькими, как две щелочки, это означало, что в голове девочки засела упрямая мысль, которую не вышибить никакими силами.

— Пустяки! — решительно заявила она. — Речь идет всего-навсего о полсотне лир.

То, что она предлагала, было невероятным, небывалым нарушением правил вата-

ги. Эти деньги, собранные с большим трудом, считались священными. Они составляли основной фонд ватаги Сан Лоренцо, участниками которой были эти шестеро ребят. А ватага городского района, по мнению ее членов, была чем-то вроде народной милиции, всегда готовой защитить честь своего района. Принимали в ватагу не всякого. Тот, кто становился ее членом, приносил торжественную клятву беспрекословно повиноваться вожаку и сражаться с любым противником за превосходство своего района над всеми другими. Недаром Сан Лоренцо был рабочим кварталом, ребята тут, почти все — дети рабочих, считались боевым и бесстрашным народом.

Предложение взять из кассы пятьдесят лир — и когда же? — накануне матча со смертельным врагом, ватагой Сан Джованни! — было почти изменой, равносильной обращению во время драки за помощью к полисмену.

На Джованну ополчились все, даже Джиджино, который только и мечтал о дружбе с ней. Факт был настолько чудовищен, что Джиджино не мог оставаться равнодушным, хотя не состоял членом ватаги.

— Ни одного сольдо! Касса неприкосновенна! — твердо заявил Раджоньере.

Джованна еще сильнее сощурила глаза.

— Ты мне их дашь, и немедленно! — угрожающе сказала она. — Иначе отвоедаешь сейчас же моих кулаков. Не думайте, что я, как женщина, боюсь вас. Давайте пятьдесят лир! Ну!?

Помолчав, она добавила вполголоса:

— Это нужно для слепого. Купим ему пирожное.

— А!.. — растерянно пробормотал Раджоньере. — Если для слепого...

Самый упорный противник был сломлен. Остальные, разумеется, охотно присоединились к предложению Джованны.

Все ребята направились в бар, где работал уже известный им гарсоне.

В это время он мыл за прилавком гору грязных тарелок. Заметив ребят, гарсоне поспешно бросил мочалку в таз, выпрямился и принял беспечный и важный вид.

— Что вам надо? — спросил стоявший у кассы хозяин бара. — Мог бы войти кто-нибудь один. Не устраивайте здесь толкучки.

— Мы покупатели и платим наличными, — с достоинством возразил Раджоньере. Для большей убедительности он помахал в воздухе всей наличностью своей кассы. — Будьте добры обслужить нас. Нам

нужно пирожное за пятьдесят лир. Самое лучшее.

Гарсоне вытер руки и степенно подошел к покупателям.

— С чем прикажете? С кремом или с шоколадом? — спросил он с видом тонкого знатока.

Не обращая внимания на недовольство хозяина, ватага подвергла этот вопрос длительному обсуждению. Решено было взять пирожное с кремом, — оно стоило ровно пятьдесят лир.

Тут возникло новое затруднение: как отдать слепому пирожное? Снести самим — он может обидеться.

Джованна попросила хозяина, чтобы он позволил сделать это гарсоне.

— Мы, конечно, дадим на чай! — добавила она тоном дамы большого света.

— Чезаре, отнеси пирожное! — крикнул владелец бара. — И чтоб я больше не видел этого сброда в моем заведении!

Ватага, довольная тем, что вывела его из себя, с достоинством удалилась.

Чезаре, узнав, что пирожное предназначено слепому, отнесся к делу со всей серьезностью. Он положил пирожное на тарелку, поставил тарелку на поднос и положил рядом гофрированную бумажную салфетку.

Но прежде, чем отправиться к слепому, он шопотом попросил:

— Пожалуйста, не злите хозяина. Отдаться за всё придется мне. Здесь — золотое местечко, и мне хочется удержаться на нем. Понимаете? Через три года хозяин повысит меня в должности и сделает камерьере. Он обещал.

— Подумаешь, персона! — пробормотал Пертика, когда Чезаре отошел. — Надел галстук в крапинку и воображает!

С противоположного тротуара дети видели, как Чезаре подошел к слепому, сказал что-то и поставил ему на колени поднос. Слепой сначала не понял, видимо, в чем дело, и мгновение оставался недвижим. Затем робко протянул руку и взял пирожное. Наблюдая, как он осторожно, смущенно и в то же время с восторгом откусил кусочек, ребята забыли и про свою кассу, и про мяч.

Когда Чезаре вернулся с пустым подносом, Джованна смущенно сказала:

— На чай мы можем дать только пять лир...

— Нет, спасибо, — великодушно отказался Чезаре. — Оставьте их себе. Правда, хозяин почти ничего не платит мне. Я работаю за чаевые. Но здесь исключитель-

ный случай, и я обслужил даром. Извините, мне надо идти. Без меня в баре не обойдутся.

Когда шестеро ребят осторожно подошли к слепому, он еще не играл на гармонике. Им хотелось что-нибудь сказать ему, но они не знали, как начать. Вдруг слепой повернул к ним голову, словно видел их, и просто сказал:

— Спасибо за пирожное. Оно очень вкусное.

Вся шестерка открыла рты от изумления. Как он догадался, что они стоят рядом и что это они прислали ему угощение?!

Первым нашелся Раджоньере:

— Не за что, — ответил он. — И стоит оно пустяки.

— Что за разговоры! — вмешалась Джованна. — Скажи лучше, понравилось ли тебе пирожное?

— Да, — подтвердил слепой, смущенно склонив голову, словно он признавался в чем-то предосудительном. — За всю жизнь я съел только три пирожных. Нет, с этим — четыре...

Детей глубоко тронули эти простые слова.

— Мы не знали, какое выбрать: с кремом или шоколадное, — пробормотал Марко, чтобы сказать хоть что-нибудь.

— С кремом лучше, — сказал Джиджино.

— Нет, шоколадное, — возразил Пертика. — Ты, как всегда, ничего не понимаешь.

— Мы дадим ему попробовать то и другое, пусть решит сам, — заявила Джованна таким тоном, словно это было уже решено.

— Это ты придумала угостить меня, — сказал слепой. — Правда? Я узнал по твоему голосу.

Измученные дети ~~по~~реглянулись: уж не волшебник ли этот мальчик?

— Интересно, сколько вас? — продолжал слепой. — Как будто пятеро? Нет, здесь есть еще кто-то.

— Это я, — пролепетал Беппоне. — Но как ты мог увидеть меня?

При слове «увидеть» Пертика дал ему подзатыльник. Слепой улыбнулся.

— Я тоже вижу, — сказал он. — Правда, по-своему. Это трудно объяснить. Часто я очень хорошо «чувствую» людей...

Дети не поняли, но остались очень довольны тем, что их могут «чувствовать».

— Как тебя зовут? — спросила Джованна.

— Орландо. Но я не привык, чтобы меня так звали. Это имя кажется мне слишком громоздким.

— Хорошее имя. Но если, по-твоему, оно тебе не подходит, мы будем звать тебя Нандо. Хорошо?

Орландо казалось, что он родился вновь. Это уменьшительное «Нандо» повторили несколько раз, и только тогда он убедился, что это именно его имя. Ему нравилось, что его так называют: это значило, что обращаются к нему, а не к просящему милостыню слепому. Впервые с ним говорили просто, не проявляя обидного сочувствия.

Разговор продолжался около часа. Нандо забыл о своей гармонике. Как ни странно, он не чувствовал отчужденности в беседе с этими ребятами, хотя они были зрячими. Он рассказал им немного о себе:

— Я не скучаю: читаю, играю на гармонике, думаю. Иногда только чувствую себя очень одиноким. А вы?

Члены ватаги, разумеется, никогда не чувствовали себя одинокими.

— Мы всегда вместе, — ответила за всех Джованна. — Мы большие друзья.

— Это, должно быть, очень хорошо — иметь друзей, — тихо сказал Нандо.

— У тебя их нет?

— Нет.

Несколько мгновений все молчали. Не иметь друзей детям казалось чем-то ужасным.

— Хотя... у меня тоже есть друзья: книга и гармоника, — сказал Нандо, почувствовав замешательство своих новых знакомых. — Только гармонику мне дают очень редко, а книга со мной всегда, когда я хочу. Вы читали ее? Называется она «Сердце». Замечательная книга!

Лицо его вдруг вспыхнуло, и в порыве великодушия он предложил:

— Хотите ее? Джованна, хочешь? Я с удовольствием отдам тебе.

Но протянутая рука с книгой тотчас же опустилась.

— Какой же я глупый! Вы ведь не сможете ее прочесть. Вот досада! А вам стоит узнать, что в ней написано.

Дети поняли, что Нандо хочет чем-нибудь выразить свою признательность и что книга — самое лучшее, что он мог предложить. Никому не пришлось в голову огорчить его, сказать, что книгу эту они читали.

— В таком случае, — возбужденно продолжал слепой, — могу вам прочесть ее. Если вы свободны, начнем сейчас. Хотите?..

— Нет, сейчас уже поздно, — сказала Джованна. — Условимся так: завтра мы придем, и ты прочтешь ее нам.

— Придете? — воскликнул слепой. Это простое обещание было для него чем-то необыкновенным. — Мне говорят это впервые. Обычно дают несколько лир и проходят мимо. Но... вы в самом деле придете? Почему вы хотите это сделать?

Дети были в замешательстве. Они и сами не знали почему.

— Потому что... потому что мы часто здесь проходим, — пролепетала Джованна. — Потом... потом ведь ты обещал нам читать книгу. Разве забыл?

Нандо был в восторге. Впервые за всю жизнь его просили о каком-то одолжении, давали ему возможность быть полезным.

— Да, конечно! — воскликнул он. — Я прочту вам всю книгу!

Когда ватага ушла, Нандо долго еще сидел молча, забыв про гармонику.

Затем он вспомнил, что скоро должна прийти старуха, и стал наигрывать разные мотивы. На этот раз, однако, его не удовлетворяли печальные мелодии, которые он привык исполнять. Он играл их по привычке, думая о другом. У него было такое чувство, словно частица солнца, согревавшего его лицо, проникла внутрь и согрела его сердце.

ДРУЗЬЯ СЛЕПОГО

Впервые в жизни у Нандо появились друзья.

Шестеро детей часто навещали его: иногда все вместе, иногда по одиночке. Случалось, что вместе с ними приходили другие ребята из их квартала. Был период школьных каникул, и почти все, кроме Марко, который работал, имели в своем распоряжении достаточно свободного времени:

Слепой читал своим друзьям самые интересные, по его мнению, самые захватывающие страницы книги, и они внимательно слушали, ничем не выдавая, что книга давно им известна.

Разумеется, они каждый раз приносили пирожное. Раджоньере, который вел учет расходам, становился всё более озабоченным.

— Деньги тают, — говорил он. — Как быть с покупкой мяча?

Никто не обращал внимания на его слова. Да и сам он всегда испытывал удовольствие, наблюдая, с каким наслаждением слепой ест пирожное.

Со времени знакомства с Нандо дети неузнаваемо изменились. Правда, они по-прежнему слонялись по улицам без дела, занимались привычными, подчас грубыми, надоедливymi проделками, но невольно ощущали на себе влияние Нандо.

И Нандо в свою очередь чувствовал в окружающем мраке веяние какой-то новой теплоты, словно что-то переменялось и в нем самом и вокруг него. Это была теплота впервые изведанной дружбы. Он не был больше одинок. У него появились друзья! Он начал понимать понемногу, что это значит. Дети открыли ему сущность и смысл дружбы с самой волнующей стороны. Они обращались с ним, как с равным, они считали его «своим».

Нандо различал теперь голоса и характеры своих друзей. Но его это не удовлетворяло. Ему хотелось «потрогать» их. Зрение его было в кончиках пальцев. Если бы он мог ощупать, тогда действительно «увидел» бы их. Но из робости и боязни обидеть своих друзей он ни разу не заговорил об этом.

Зато ребята знали о нем всё, что их интересовало. О старухе слепой никогда не упоминал, и дети понимали его. Когда близилось время ее появления, Нандо просил их уйти. Старуха не хотела, чтобы он разговаривал с кем бы то ни было, так как во время таких разговоров прохожие не останавливаются и не дают милостыню. Из нескольких туманных слов слепого они поняли истинную причину страха, который старуха внушала Нандо. Стремясь удержать его в повиновении, она грозила в случае непослушания отправить его в приют для беспризорных. Причем она изображала этот приют в таких красках, перед которыми померкла бы самая неприглядная действительность. По ее словам, это было ужасное место, где слепым все будут помы-

кать, где он будет одать и подвергаться побоям.

Не следует, однако, думать, что сближение со слепым быстро сделало Джованну и ее пятерых друзей благонравными ребятами. Они остались, как и были, буйной ватагой района Сан Лоренцо, падкой на дела и развлечения не всегда похвального свойства. Они сочли бы даже оскорблением, если бы кто-нибудь вздумал назвать их «славными ребятами». Такой человек сразу стал бы их врагом.

— Быть «славными ребятами», ангелочками—значит быть дураками и иметь рыбью кровь, — изрек как-то по этому поводу Пертика, который слыл в ватаге философом.

Давно прошли те времена, когда ватаги разных районов города устраивали побоища с применением камней и палок. Теперь они, в том числе и ватага района Сан Лоренцо, стали более степенными. Гордое соперничество между кварталами и районами продолжалось, но оно выражалось более мирным образом. К дракам прибегали лишь тогда, когда серьезно задевались честь и достоинство ватаги. Палок и камней в этих случаях не применяли, но считалось допустимым пускать в ход в качестве оружия выдернутые из земли с корнями пучки травы—«топпы». Задать противнику «топпу»—значило обрушиться на него градом комьев сырой земли, прилипшей к корням травы. Получить такой снаряд в голову не доставляло большого удовольствия.

Хотя с некоторых пор ватага Сан Лоренцо находилась в мирных отношениях с остальными, всё же существовало острое соперничество между нею и ватагой смежного района, Сан Джованни. Внешне это имело вид простого футбольного соперничества, однако в нем время от времени проскальзывали веяния старых традиционных битв. Это было скорее перемирие, чем мир. Взаимоотношения между ними стали неустойчивыми с той поры, как ватага Сан Джованни в футбольном матче одержала победу над ватагой Сан Лоренцо со счетом 3:0 и, не дожидаясь встречи-реванша, объявила Сан Джованни самым сильным районом Рима.

Возмущенная ватага Сан Лоренцо в ожидании встречи-реванша, победоносный исход которой считался несомненным, прервала дипломатические отношения со своими противниками и отказалась вести с ними какие бы то ни было переговоры.

С некоторыми из защитников престижа Сан Лоренцо читатель уже знаком. Среди

них особенно выделялась Джованна, не только потому, что она была единственной девочкой в ватаге, но главным образом вследствие ее упрямого и властного характера. Высокая, довольно красивая, она с великолепной принужденностью носила свои скромные фартуки, перешитые матерью, и яркие веснушки на лице.

В ватагу входил также Джиджино, хрупкий с виду школьник, единственный из членов ватаги сын зажиточных родителей. Он был исключен из футбольной команды за отвратительную игру во время соревнования. По этому случаю Джованна подняла его на смех:

— Приняли бы нас, девчонок, в игру, мы бы показали вам! — заявила она. — Сан Лоренцо всегда выходил бы победителем. Уж я-то во всяком случае сыграла бы лучше Джиджино! Единственный настоящий игрок у нас — Марко...

Джиджино был обескуражен. Участия в команде он добился главным образом для того, чтобы приобрести авторитет в глазах Джованны. К великому его огорчению, она обращала больше внимания на Марко. В ее глазах Марко был смел, а он — нет, Марко играл хорошо, а он — плохо... Всё было верно, и Джиджино в глубине души с отчаянием признавал это, но, когда так говорила Джованна, это становилось нестерпимым. Единственным его преимуществом перед Марко были отличные отметки в школе, но это не повышало его авторитета.

— Можешь не показывать мне твои «восьмерки» по латыни, — насмешливо говорила Джованна, которая и сама училась неплохо. — Восьмерки хороши, когда их получает наша команда, а не тогда, когда они стоят в твоём дневнике.

Главарь ватаги Марко по натуре был добрым мальчиком, но, может быть, потому, что у него не было возможности учиться в школе, он всегда посмеивался над «школярами». Порой ему не хватало сообразительности. Например, разговари-

вая со слепым, он часто говорил: «Видишь?» или «Ты должен бы видеть».

Джиджино в таких случаях делал ему знаки и старался как-нибудь исправить допущенную бестактность.

Меньше всего обращал внимания на промахи такого рода сам Нандо.

— Да, вижу, — просто отвечал он и продолжал разговор.

В ватагу входили еще: известный уже нам Раджоньере, Пертика — плут и философ, Беппоне, которого остальные пятеро брали с собой больше для того, чтобы посмеяться над его глупыми выходками, но который был всей душой привязан к ватаге и к Марко. Дальше следовали: Альфонсо, Карло, Джиджино 2-й Мавр, в отличие от Джиджино 1-го, который был почти блондином, Серджио и ряд других — в общем десятка три ребятшек, задавшихся целью не допустить, чтобы их считали «хорошими» детьми, «молодцами» и так далее, а предпочитавших характеристики вроде: «дьяволята», «нахалы», «уличная банда»... Такие эпитеты, щедро раздаваемые прохожими на улицах, вызывали у ребят чувство гордости, словно это были почетные титулы, заслуженно приобретенные великими деяниями.

В ватаге не было, если не считать Джованны, девочек. Между юными обитательницами квартала и ватагой отношения были далеко не дружелюбны. Джованна никогда не упускала случая поиздеваться над девочками:

— Эй, Леда, ты что, аршин проглотила, что ли? Поменьше важничай!

— Синьорина, не задирайте нос так высоко, не то его приметит птичка и...

В общем, девочки этого квартала, как, впрочем, и всех кварталов любого города, страдали немножко склонностью выглядеть «синьоринами» и не позволяли «фамильяриностей».

Единственным исключением была Джованна, и за это ватага ее любила.

(Продолжение следует)

К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА „КОСТЕР“

Рим очень далеко от Ленинграда: тысячи километров отделяют итальянских детей от советских. Но их дружба не знает ни расстояний, ни границ. Итальянская пословица говорит: «Растояние, как ветер, гасит огоньки маленьких чувств и раздувает пламя настоящих». Симпатия итальянских детей к советским всегда встречает горячий отклик в великой стране Советов, славная история которой является примером для всего мира.

Самый лучший привет, с каким я могу обратиться к читателям журнала «Костер» — это передать им любовь и уважение пионеров и детей Италии!

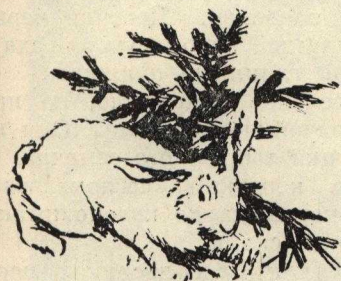
Детский писатель Марчелло Арджилли

ПОЧЕМУ У ЗАЙЧИКА ТРЕСНУЛА ГУБА

ЛИТОВСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Иван Нехода

Рисунки А. Спичкина

— Заинька, серенький, —
Дятел ему, —
В речку топиться?
Зачем, почему?

Хочешь, чтоб боялись?
Хочешь, чтоб все?
Ну-ка, ну-ка, зайчик,
Ляг в овсе.

Как погонят стадо, —
Прыгни тогда:

Как выскочит зайнька —
Пав или пропал!

Как выскочит зайнька,
Скок да прыг!
Все поразбежались
Овцы вмиг.

Засмеялся зайнька:
— Вот судьба!
Аж от смеха заячья
Поднялась губа.

Близко ль, далеко ль, —
Так говорят, —
Жил себе зайчик,
Был трусоват.

Волка боялся,
В лес не ходил...
Близко ль, далеко ль —
Жил себе,
Жил.

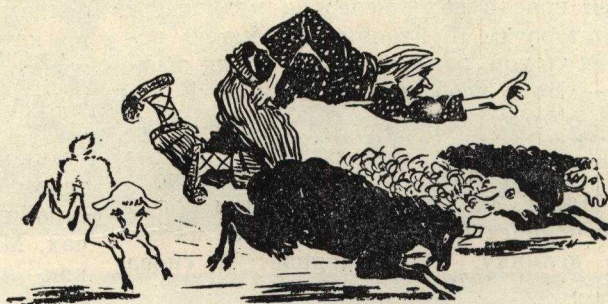
Вырос, заплакал:
— Всех я боюсь...
Жить да бояться?
Лучше утоплюсь!

Идет он печальный,
Бедный такой,
Встретил его дятел:
— Что, брат, с тобой?

Встретил его дятел:
— Ты, брат, куда?
— В речку топиться,
Да быстра вода!

Был бы я смелым, —
Жил бы. А то
Всех-то я боюсь,
А меня — никто.

Все насмежаются,
Всех я боюсь...
Жить да бояться?
Лучше утоплюсь!

Разбегутся овцы —
Кто куда!

Хочешь не бояться?
Так-то, друг... —
Послушался зайчик,
Скрылся
Вдруг.

А пастух тем часом
Стадо гнал...

Бегают, хохочет —
Жизнь любя!
Аж от смеха
Треснула
Заячья губа.

Потому веселый он,
Потому такой —
С подвятой, раздвоенной
Верхнею губой.

Перевел А. Прокофьев

В ДЕРЕВНЕ ВЬЕТНАМА

Деревни Вьетнама окружены рисовыми полями. Всюду, куда ни глянь, вода, вода. На солнце она сверкает, как осколки зеркала. Меж затопленными полями вьется насыпанная дорога. Лишь зеленеют островки деревень.

Во взмученной воде рисового поля работают косцы. Головы их повязаны темными косынками. В левой руке палка. Ею пригибают колосья, а правой, сжимающей острую «зау фат», похожую на саблю, энергичными взмахами, силеча, подсекают рисовые стебли.

Во Вьетнаме нет определенного времени урожая и посева. На одном поле крестьяне еще выбрасывают из лукошка семена риса, а на другом — рис пошел уже в колос, на третьем — вяжут снопы.

Вот по пояс в воде, вслед за медлительным круторогим буйволом, движется пахарь. Как трудно взрастить рис! А для вьетнамцев — это и хлеб, и обед, и ужин. И неспроста о рисе слагают здесь песни и стихи.

На полях трудятся и ребята. Большим, подвешенным на треноге, ковшом один мальчик черпает воду и выливает ее на соседнюю делянку. Снова черпает и снова выливает...

Другие ребята, опустив руки в воду, обшаривают илистое дно делянок. Время от времени кладут в легкие корзины, прикрепленные к поясу, креветок — маленьких рачков. Мясо креветок, отваренное с солью, — лакомство.

На полях много аистов. Кажется, будто птицы любят свои отражения в воде. Аисты выклись с людьми и подпускают их совсем близко.

Вьетнамская деревня обычно вся в зарослях буйной зелени. Над тропками склоняются пики бамбука — самого усердного из растений. Свешивает свои бахромчатые коромысла банан. Сколько здесь стройных, высоких пальм, с задорными хохолками на вершине!

Густые вечнозеленые изгороди усеяны яркими цветами юга. Воздух напоен пряным ароматом тропических растений. Поют, верещат и посвистывают бесчисленные птицы.

Деревню пересекают живописные пруды, затянутые, словно зеленым покрывалом,

мелкой плывучей травкой. На однотонной зелени пруда вспыхивают маленьким солнцем белые, с желтым сердечком, лепестки лотоса — «царя цветов».

На бамбуковых мостках женщины моют овощи, купают малышей. Девочки черпаками — половинками кокосового ореха — наполняют водой глиняные кувшины.

Распарывая зеленое покрывало, по прудам скользят лодчонки — сампаны. Они похожи на скорлупки тыквенного семечка. На них, подгребая коротким веслом, юные вьетнамцы в закатанных по колено штанах перевозят рисовые снопы.

В тесных крестьянских двориках перед каждой хижинкой — ровная глиняная площадка. На ней рассыпают зерно для просушки, тут и молотят рис. Ухватив снопы палочками, вроде кнутовищ, ребята хлещут им по круглому камню, и внизу растет горка золотого зерна. Женщины (у многих зубы покрыты, как здесь принято, несмывающимся черным лаком) веют. Они беспрепятственно подкидывают рис на большом плетеном противне. Торопливо проходят стройные девушки с коромыслами на плечах. Мягко покачиваются на длинных стропах лукошки, наполненные зерном. Повсюду бродят черные забавные поросята на коротеньких ногах, лениво пасутся домашние голуби. Дымки из печурок, сложенных во дворе, тянутся к мачтам пальм.

На бамбуковые стойки хижины опирается крыша, покрытая ребристыми листьями пальмы «ле гой». Бурожелтые стены без окон сплетены из ремней — коры молодого бамбука. Вся хижина построена без единого гвоздя. Внутри приятная прохлада. Обстановка самая простая; на земляном полу — топчан.

На фотографии изображена такая хижина в деревне Нам Лиен, где жил до двадцатилетнего возраста президент Демократической Республики Вьетнам — Хо Ши Мин.

Всего год назад народ Вьетнама изгнал со своей земли помещиков — мироедов. Теперь цветущие поля принадлежат трудящимся.

На плакате (внизу) вьетнамские ребята показывают бойцу народно-освободительной армии свои делянки.

Р. Славский

НЕБЫЛИЦЫ

ФРАНЦУЗСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСЕНКА

Рисунок на вк. В. Канашевича

Послушайте-ка песенку
О всяких небылицах.
Ни капли правды тут не будет,
Чтоб мне провалиться!

Ай да, ай да, ай да я,
Ай да песенка моя!

Проснулся я в вечерний час
При утреннем тумане
И вышел с плугом на плечах
И с лошадью в кармане.

Ай да, ай да, ай да я,
Ай да песенка моя!

Дошел до голубых небес,
Стоптал себе я руки,
Потом вспахал дубовый лес,
В котором жили шуки.

Ай да, ай да, ай да я,
Ай да песенка моя!

Смотрю, — на яблоне растёт
Малина и клубника.

Ударил палкой по ветвям —
Посыпалась гвоздика.

Ай да, ай да, ай да я,
Ай да песенка моя!

Упала груша мне на грудь.
Вонзилась в нос, как пуля, —
Пришлось к хирургу завернуть,
Который делал стулья.

Ай да, ай да, ай да я,
Ай да песенка моя!

Я ухо вылечил свое,
Пришел домой усталый;
Там кошка гладила бельё
И с петухом болтала.

Ай да, ай да, ай да я,
Ай да песенка моя!

Там утка мыла своего
Родного поросенка,
Смотрели мухи на нее
И хохотали звонко.

Ай да, ай да, ай да я,
Ай да песенка моя!

Одна из мух упала в клей,
Сломала поясицу, —

Я дал ей пару костылей
И проводил в больницу.

Ай да, ай да, ай да я,
Ай да песенка моя!

МАШИНА ВРЕМЕНИ

На поле сражения лежат убитые и стоят исковерканные орудия. Но вот мертвые солдаты начинают оживать и становятся на ноги. Поверженные лошади вскакивают с земли, и на них появляются всадники. Странная битва: чем ожесточеннее идет сражение, тем больше становится живых бойцов!

Бой закончен, и снова ни одного убитого, ни одного раненого. Войска противников построились в колонны, и обе армии мирно разошлись в разные стороны.

Так развешивались бы события перед человеком, летящим в машине времени быстрее света. Эту мысль высказал лет шестьдесят тому назад французский астроном Фламарион.

Действительно, мы часто видим на небе давно потухшие далекие звезды. Когда-то они горели и излучали световые

волны. Сотни тысяч, миллионы лет волны путешествовали по вселенной, пока дошли до Земли. Здесь свет от звезд уловил наш глаз, и мы увидели их такими, какими они были много-много лет назад. Световые волны позволили нам узнать «дела давно минувших дней».

Всё, что происходит сейчас на нашей планете или происходило когда-либо прежде, также подхватывается световыми волнами и разносится во все стороны. Свет как бы фотографирует земные события и уносит их в мировое пространство со скоростью 300 000 километров в секунду.

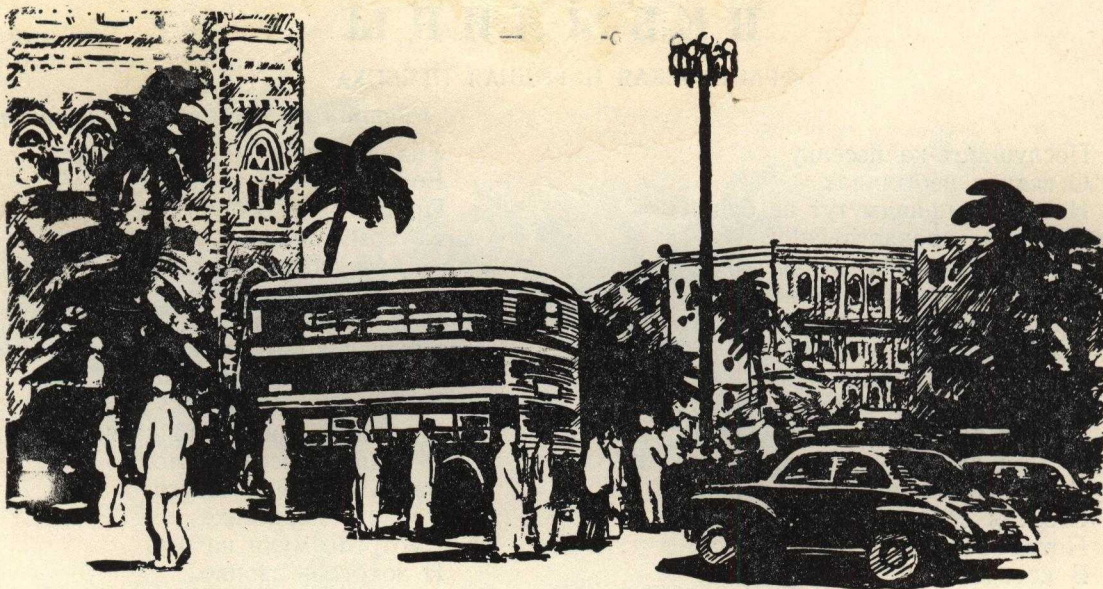
Если мы будем лететь со скоростью большей, чем скорость света, то, очевидно, мы сначала догоним «снимки» тех событий, которые когда-то произошли на Земле, а затем обгоним их.

Любопытно, однако, то, что мы увидим через окошко нашей машины сначала те события, которые произошли на Земле позднее. А затем уже начнем догонять «фотографии» более ранних событий. Совершенно так же, как, догоняя поезд, мы сначала поравняемся с его «хвостом» — с последним вагоном, а потом догоним и паровоз.

Значит, сидя в такой фантастической «машине времени» и глядя в окно, мы будем видеть все события, так сказать, «наизнанку», как в кинокартине, которую крутят в обратную сторону.

Вы, вероятно, знаете, что сейчас строятся уже специальные снаряды для межпланетных путешествий, то есть для полетов с Земли на другие планеты. Как вы думаете, — удастся ли когда-нибудь построить «машину времени», о которой вы только что прочитали?

И. Меттер

Б А Р С И К

Н. Тихонов

Рисунки Н. Муратова

Раз по дороге из Бангкока в Дели попал я в Калькутту. Нашел наше торгпредство. Там обрадовались соотечественнику. Всё быстро устроили, чтобы мне уехать ночным поездом в Дели. Оставалось только деньги разменять. Это, говорят, делает вам наш бухгалтер.

Где же он? Да он, говорят, пошел со своим мальчиком в зоологический сад.

— Пойдем и мы, — сказал один из сотрудников торгпредства, Василий Иванович.

Когда мы пришли в зоологический сад, купили билеты и начали бродить от клетки к клетке, Василий Иванович сказал, вытирая пот со лба:

— В такие часы не стоит по саду ходить. Жара — как в печи огненной. А надо бухгалтера отыскать. Сегодня воскресенье; он, пожалуй, за город уедет.

Но где искать? Сад большой...

— Давайте всё подряд посмотреть, — предложил я.

Жара была удручающая. Львы, плоские как доски, лежали на боку, воробьи лениво бегали по их лапам и поклевывали кусочки недоеденного мяса.

Тигр бенгальский как уставился на стоявших перед клеткой индийцев, так и застыл,

точно навсегда. Его широко открытые красноватые, с желтым отливом, глаза с угольно-черным зрачком напоминали недавно изобретенные американцами очки для заседаний. Они так устроены, что у человека глаза кажутся открытыми, а на самом деле он их закрыл и спит. Так и этот тигр, несомненно, спал с открытыми глазами.

Слон обмахивался большой пальмовой ветвью и только из вежливости брал куски сахарного тростника. Он делал вид, что глотает их, а сам ловко отбрасывал в сторону, потом отодвигал в угол. Слоненок же, поддерживая тростник немного во рту, возвращал посетителю. Видно, у слонов от жары пропал аппетит.

Две обезьянки — их жара не брала! — сидели на щите огромной океанской черепахи. Она сонно перебирала толстыми короткими ногами, не подозревая, что у нее на спине примостились две болтливые кушутки.

В пылу беседы они шлепали по спине черепахи длинными волосатыми руками, жевали какие-то орехи и сплевывали ореховую скорлупу.

Жираф, как заведенный, мотал узкой голловкой с тонкими маленькими рожками.

Будто старался отвинтить собственную голову от длинной шеи.

Куда ни бросишь взгляд, всюду спали полуденным сном или сонно копошились звери и птицы. Какие это были птицы! У одних на голове красовались наросты вроде тарелок, причем они были другого цвета, чем клюв и голова. Скажем, клюв желтый, голова синяя или красная или полосатая — желтая с красным, а тарелка на голове коричневая. Были птицы как будто только что выкрашенные, сами пурпурного цвета, а шея и голова у них белоснежные.

Марабу в своих синих вицмундирах спали, стоя на одной ноге. Крокодил, высунившись из зеленой, тинистой воды, подмигивал одним мутным глазом; другой его глаз спал. Белые и черные лебеди уткнули свои длинные шеи в воду и так застыли, вверх хвостами. Всё спало и дремало вокруг нас.

Накалившиеся металлические ручки дверей в закрытых павильонах излучали сияние.

Сморенные этим адским жаром полудня, мы тоже смотрели полусонными глазами, шли без определенного плана, повсюду разыскивая бухгалтеря. Но его не было ни среди птиц, ни среди владык звериного мира.

Мы направились к длинной линии клеток, у которых толпились ребятишки. Папаши и мамы на разные голоса обращались к зверям, чтобы разбудить их и доставить удовольствие детям. Но упрямые звери, забравшись в свои деревянные домики, так крепко спали, что были видны только их медленно дышащие бока или высунувшиеся из домика неподвижные задние лапы.

У одной клетки плакала избалованная девочка и хныкал мальчик. Они требовали, чтобы зверь сейчас же проснулся и подошел к решетке. Мать, как могла, уговаривала их не кричать и не плакать. Отец шутливо что-то сказал мальчику, но тот захныкал еще больше.

— Что сказал папаша? — спросил я у Василия Ивановича, так как он знал местный язык.

— Он сказал, что только иог-волшебник может разбудить зверя... Что же, — добавил он, помолчав, — придется стать иогом.

С этими словами он приблизился к клетке с надписью: «Не подходить. Опасно». Только тут я заметил у него в руке бумажный кулек и что-то, завернутое в газету. Василий Иванович постучал о клетку и позвал спокойно и громко: «Барсик! Барсик!»

Какой же это барсик! — удивленно сказал я. В клетке крепко спал здоровый леопард, сытый, красивый, весь в черных пятнах и звездах, толстый, розовый. Он лежал на боку и будто ничего не слышал, даже ухом не шевелил. Но мой Василий Иванович снова начал звать его, уже громче: «Барсик! Барсик!»

Вдруг зверь полуоткрыл глаза, прислушался, как бы не веря своему слуху. Потом, заворчав, как большая кошка, одним прыжком выскочил на площадку.

Увидев Василия Ивановича, леопард прижался к решетке, словно требуя, чтобы его погладили. Так кошка трется о вашу ногу, требуя ласки. И к удивлению всех индийцев, и к моему тоже, Василий Иванович просунул руку сквозь решетку и стал щекотать зверя так спокойно, как будто леопард был домашним котом.

Что сделалось со всеми индийцами!

Они вскрикивали от восхищения и удивления, а дети смотрели во все глаза, раскрыв маленькие рты. Они видели сказку в этом сонном царстве, и эта сказка им нравилась.

Василий Иванович вытаскивал из кулька куски курятины, просовывал их сквозь решетку и давал леопарду. Леопард, смотря на него большими медово-желтыми глазами, глотал эти кусочки с довольным урчаньем. Только легкий хруст костей слышался в перерывах его бархатного мурлыканья. Он сожрал курицу в один миг и, облизываясь, подставил свой бок, чтобы его почесали.

Зверь, закатив глаза от удовольствия, так привалился к решетке, что казалось, она не выдержит. Пальцы Василия Ивановича добрались по шее до головы, до ушей, потом начали щекотать подбородок. Индийцы смотрели молча, в суеверном ужасе.

— Это иоги, — сказал отец детям. — Тише...

Я ничего не понимал. Рука Василия Ивановича была так близко от раскрытой пасти, что один рывок зверя — и несчастья не избежать. Но зверь только мурлыкал и царапал землю большими черными когтями.

Индийцы смотрели на Василия Ивановича как на иога, как на волшебника. Я оглянулся. Кругом нас образовалась толпа. Всех привлекло это зрелище. Я уже слышал шепот за спиной:

— Руси! Руси! Руси иоги! Руси иоги!

Не знаю, как долго продолжалась бы эта сцена, но тут из толпы вышел высокий человек с мальчиком лет девяти.

— Вот вы где! — сказал он. — А я ищу вас по всему саду. Говорят, я вам срочно нужен, Василий Иванович.

Индийцы думали, что это пришел новый иог — очарователь зверей, но это был бухгалтер.

Взглянув на леопарда, он воскликнул:

— Как раздобыл Барсик, как вырос, — не узнать. Знатный зверь стал...

Василий Иванович последний раз пощекотал леопарда за ухом, взял за подбородок, потряс его, провел по носу ладонью. Зверь зажмурил глаза и звонко замурлыкал. Василий Иванович вздохнул и пошел прочь от клетки.

Индийцы расступались перед ним. А зверь стоял, привалившись к решетке, словно чувствовал еще ласковую руку, потом посмотрел вокруг и, не увидев Василия Ивановича, ударил лапой по решетке и так взревел, что индийцы отшатнулись от клетки.

Мы шли и слышали, как медленно затихал печальный голос леопарда.

— Вот так барсик! — сказал я. — Вы и в самом деле иог, Василий Иванович! Почему он для вас барсик, когда он леопард?

— Это особая история, — ответил он грустно. — Охотники привезли мне из джунглей маленького, совсем крохотного, щенка леопарда. Я его выкармливал соской. Игрун, баловник, туфли таскал, грыз что мог, с сынишкой играл. Прозвали мы его Барсиком. Детишки росли, и он рос, ко всем привык. Но потом стал и с чужими заигрывать. А как? Спрячется за кустами, подкараулит; как кто идет, — бросается с хода. Свалит и стоит над упавшим. Зубы скалит. Ну, кто не знал Барсика, — очень пугался. И матери стали опасаться, чтобы он, играя, детишек не покалечил. Как-то раз он прыгнул мне на спину, и тут я почувствовал, — тяжел стал Барсик, когтист, нельзя его больше с детьми один на один оставлять.

Пришла пора расставаться. Тяжело, а ничего не поделаешь. Ручной он. Но следовало отдать его в сад. Отдали. Он сначала

чуть с тоски не помер. Сколько време-
прошло, а всё помнит. Сына я уже не пус-
каю к нему, да и сам перестал ходить.
Ну, а сегодня так вышло... Давно я Барси-
ка не видел. И вот видите, что получилось.
Теперь он дня три злиться будет. Ну, что
делать? С ним в одной комнате жить не
будешь. Я ведь не укротитель из цирка...

— Да вы лучше всякого укротителя, —
сказал я, — даже индийцы вас за йога-вол-
шебника принимали...

— Что вы, — Василий Иванович зама-
хал руками, — какой из меня йога! Ну,
ладно, займемся делами, а то я вас отвлек.
Вот вам товарищ бухгалтер сейчас всё, что
надо, устроит.

Мы были уже у ворот торгпредства и
дружески простились с Василием Иванови-
чем. В этот же вечер скорый поезд увозил
меня в Дели.

Мне приснился в эту ночь Барсик, ко-
торый подставил мне свой шершавый бок,
и я храбро его почесал. Но он вдруг повер-
нул ко мне недовольную морду и так фырк-
нул, что я проснулся.

В купе был полумрак. Я взглянул в
окно. Поезд шел по тихой долине великого
Ганга. Светила полная луна, и пятна дале-
ких кустов среди белых от луны песчаных
холмов у дороги напоминали пятна на
шкуре большого спящего леопарда.

ЗОРЬКА ДОГОРАЕТ

Слова Н. Глейзарова

Музыка В. Соловьева-Седого

Подвижно

Зорь - ка до - го - ра - ет дрем - лет ти - хий

бор, над ре - кой, ре - кой, ре - кой пы - ла - ет

Вариант над ре - кой пы - ла - ет

зо - ло - той кос - тёр. над ре - кой, ре - кой, ре - кой пы -

Для окончания

ла - ет зо - ло - той кос - тёр.

pp

(Слова на 2-й стр. обложки)

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
„КОСТЁР“

Сегодня в номере

Морские речники

Арктика раскрывает тайны

Моряки и П. Н. Яблочков

Совет юному гребцу

ОТ РЕДАКЦИИ

Многие ребята любят море, хотят плавать на кораблях, мечтают стать моряками, интересуются морскими делами, любят читать книги о море. Для них в журнале „Костёр“ будет издаваться „Морская газета“.

Напишите, о чем вы хотели бы прочитать в „Морской газете“.

ДОРОГИЕ ЮНЫЕ ЧИТАТЕЛИ И КОРРЕСПОНДЕНТЫ ЖУРНАЛА КОСТЕР КОЛЛЕКТИВ ДРЕЙФУЮЩЕЙ НАУЧНОЙ СТАНЦИИ СП4 ШЛЕТ ВАМ ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ НАХОДЯСЯ ДАЛЕКО РОДНЫХ БЕРЕГОВ ЗПТ СОТНЯХ КИЛОМЕТРОВ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА ЗПТ МЫ ВНИМАТЕЛЬНО СЛЕДИМ ЖИЗНЬЮ НАШЕЙ ЛЮБИМОЙ РОДИНЫ КОЛЛЕКТИВ ДРЕЙФУЮЩЕЙ СТАНЦИИ СП4 ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕТ ЮНЫХ ДРУЗЕЙ ВЫХОДОМ СВЕТ НОВОГО ЖУРНАЛА КОСТЕР ЖЕЛАЕМ ВСЕМ ВАМ ЮНЫМ ЧИТАТЕЛЯМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ ЖУРНАЛА БОЛЬШИХ УСПЕХОВ УЧЕБЕ ТВОРЧЕСТВЕ СЛАВНЫХ ПИОНЕРСКИХ ДЕЛАХ ОТ КОЛЛЕКТИВА СТАНЦИИ СП4 ДРАЛКИН ШИРОТА 87 ГРАДУСОВ 57 МИНУТ СЕВЕРНАЯ ДОЛГОТА 187 ГРАДУСОВ ГМО МИНУТ ВОСТОЧНАЯ

МОРСКИЕ РЕЧНИКИ

Речным судам положено ходить только по рекам. Они так и делают. Куда им со своим речным носом в морскую воду! Там и качка такая, что речному судну не удержаться, — перевернется. Там в шторм оно и сломаться может. Законы морского плавания строже законов речного судоходства. Да и зачем речным судам выходить в море? А вот иногда приходится.

Знаете ли вы, сколько рек в нашей стране? Если даже считать не все, а только те, которые покрупнее, и то их наберется больше 108 тысяч! Ну, а всех рек и речушек в Советском Союзе около одного миллиона. Если бы можно было проехать по всем этим водяным дорогам и дорожкам, нигде не останавливаясь, — на это ушло бы четырнадцать лет!

Правда, не по всем рекам могут плавать суда. Но всё-

таки судоходных речных путей у нас тоже очень много — больше 500 тысяч километров! А ведь это почти двенадцать кругосветных путешествий.

Ходят по нашим рекам пассажирские пароходы и теплоходы, грузовые баржи, катера.

Но как же они попадают на Обь, Лену, Енисей? Ведь прямого речного сообщения между европейскими и сибирскими реками еще нет. Строят же суда на Волге, на Днепре, на Дунае. Да и из-за границы нам их иногда доставляют.

Иногда поэтому приходилось делать вот как. Построят судно, а потом возьмут и разберут его и в таком разобранном виде погрузят на поезда и везут через всю Сибирь. А там опять собирают. Сколько лишнего на всё это уходило времени, средств, хлопот, человеческого труда!

Но другого выхода не было.

А что, если попробовать? Речникам пришла в голову дерзкая мысль: пройти в сибирские реки по Великому Северному морскому пути.

Но ведь это — 4500 километров!

Однако круглой путь через южные моря оказался бы длиннее в пять раз.

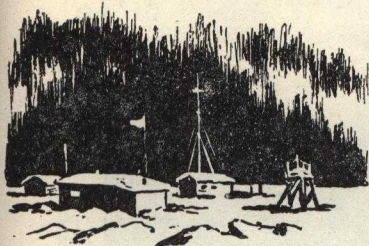
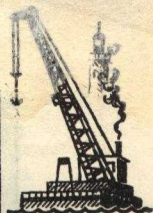
И вот, пять лет тому назад караван речных судов впервые отправился в далекий и опасный рейс. На море, да еще в Арктике, судам пришлось держать дополнительный экзамен на крепость, устойчивость, готовность перенести шторм, встречу со льдами.

Суда выдержали его.

С тех пор ежегодно переправляются десятки речных судов в северные реки: Обь, Иртыш, Енисей, Лену, Амур.

Гр. Гроденский

АРКТИКА РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ

Найдите на карте группу Новосибирских островов. Один из них носит странное название: «Остров Жанетты». И в книге А. Ф. Лактионова «Северный полюс» тоже — «Жанетта».

Оказывается, так называлась паровая яхта, на которой лейтенант де Лонг пытался достигнуть Северного полюса.

Закончилась экспедиция трагически. «Жанетту» раздавило льдами у Новосибирских островов. Большинство участников экспедиции погибло, и научных результатов она дала мало.

Так и осталась бы память о «Жанетте» только в летописях полярных экспедиций да на карте. Однако спустя три года у берегов Южной Гренландии было найдено около пятидесяти предметов, принадлежавших участникам экспедиции де Лонга. И о неудачливом корабле вспомнили вновь.

Но вот вопрос: как могли вещи перенестись за несколько тысяч километров?

Думали-думали ученые и решили, что вещи были вынесены к берегам Гренландии вместе со льдами.

Знаменитый полярный путешественник Нансен взялся даже доказать правильность этих предположений. Он построил особой прочности экспедиционное судно «Фрам», удачно прошел на нем из Норвегии к Новосибирским островам, где специально «вморозил» корабль в лед.

Дрейф «Фрама» продолжался три года и закончился вполне успешно. Очутившись в западной части Северного Ледовитого океана, неподалеку от Шпицбергена, «Фрам» вырвался из ледового плена. Экспедиция Нансена дала науке об Арктике много ценных сведений.

Перед Великой Отечественной войной советские моряки блестяще

подтвердили важное открытие знаменитого полярного путешественника. Ледокольный пароход «Г. Седов» продрейфовал почти по тому же маршруту, что и «Фрам».

В течение трех лет герои-седовцы изо дня в день делали научные наблюдения. Но Арктика и на сей раз раскрыла не все свои тайны. И советские ученые решили терпеливо и настойчиво продолжать свое дело.

В недоступных дотоле широтах были созданы дрейфующие станции «Северный полюс 2» и «Северный полюс 3».

Советские полярники открыли на дне Северного Ледовитого океана огромный подводный хребет, тянувшийся от Новосибирских островов в сторону Гренландии почти на две тысячи километров. Его назвали именем М. В. Ломоносова.

Изучение Арктики продолжается. Сейчас на Севере работают еще три советские дрейфующие станции: «СП-4», «СП-5», «СП-6». И в Арктике приходится раскрывать все новые и новые свои тайны.

А. Ефимов

МОРЯКИ И П. Н. ЯБЛОЧКОВ

Русский изобретатель Павел Николаевич Яблочков в 1879 году впервые в Петербурге показал действие своей электрической «свечи».

На Невском проспекте, около Александринского театра, собралась столичная публика. Вспыхнула свеча, и толпа шумно приветствовала изобретателя. Но какой-то мальчишка побежал через улицу и задел лежащий на земле провод. Свеча погасла. Раздался смех, посыпались обидные для изобретателя восклицания. Кто-то даже крикнул: «Это не свет, это жульничество!»

Вдруг из толпы вышли двое моряков. Они принялись деловито исправлять повреждение. А потом удалились так быстро, что взволнованный изобретатель не успел и поблагодарить неожиданных друзей.

Но почему именно моряки помогли Яблочкову? Где они научились обращаться с электрическими проводами?

Моряки первыми в России научились обращаться с электричеством. Полученный в прошлом веке в лабораториях электрический ток прежде всего был применен на боевых кораблях.

Электрическая лампочка тогда еще не была изобретена. Пользовались дугowymi фонарями. Под действием тока в них между двумя углями вспыхивала яркая светящаяся дуга.

Однако фонари эти применялись как прожектора и сигнальные огни на верхней палубе. А в каютах продолжали пользоваться сальными свечами.

В сентябре того же года Яблочков взялся осветить Литейный мост в Петербурге. На мосту установили столбы, а на столбах «свечи». Осталось подвести электрический провод. Но тут городские власти всполошились и запретили развешивать на мосту провода, — опасно для прохожих!

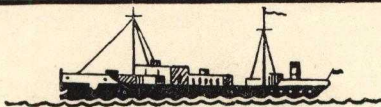
Яблочков не знал, как поступить. Нанять баржу или буксирный пароход, чтобы прикрепить провода под мостом? Но сколько это будет стоить! Да и какой купец станет рисковать своей баржей или пароходом. Время осеннее, Нева неспокойна. Ветер прибивет суда к каменному быку — и поминай как звали...

И тут снова выручили моряки. Матросы полезли под мост и, карабкаясь по металлическим сводам, протянули провода над бурной рекой.

Н. Зелицкий

Совет юному гребцу

Когда гребешь, — не плюй на ладони и не смачивай их в заборной воде. Во влажных ладонях рукоятки весел не скользят — это верно. Но зато быстро натираются мозоли.

ФУТБОЛ ЖДЕТ ЮНЫХ

*Рассказывает вратарь команды
„Зенит“, заслуженный мастер
спорта Л. Иванов*

Всякий раз, когда в тесноватом, заставленном поленицами дров дворе я вижу, как шумливая ватага ребят, при многочисленном стечении зрителей со школьными портфелями, гоняет мяч, я замедляю ход, потом останавливаюсь и смотрю... Вот один из нападающих ловко обводит защитника и неожиданно бьет по воротам. Вратарь выбежал вперед, но поздно: мяч в сетке. Школьники неистово шумят, вратарь с досадой покидает поле, обидевшись на своего защитника, а торжествующий нападающий кричит:

— Эх ты, ворона! Где тебе!

Я понимаю и настроение вратаря с разорванным на локте рукавом, и важно стоящего поодаль нападающего... Вот так же когда-то играл я во дворе на Кронверкской улице. Мне хорошо знакомы и эти кирпичи, обозначающие границу ворот, и шумная толпа болельщиков, и споры, и раздоры. Мы тогда так же радовались удачам и ссорились, если один из нас делал непоправимую ошибку. Мы поступали так же, как вы, мои юные друзья, и всё же, чтобы вы не повторяли наших глупостей и неудач, чтобы вы скорее достигли настоящих и больших успехов, мне хочется поговорить с вами.

Дорогие мои друзья, милые быстроногие нападающие и угрюмо-важные вратари! Не надо робеть

перед неудачей, так же как и кичиться успехом! Если бы вы знали, сколько это приносит нам вреда... Помнится, при розыгрыше первенства школьных дворовых команд наша команда одержала такой блистательный успех, а ее вратарь (это был я) был награжден такими лестными похвалами, что я возмнил себя чуть ли не первым вратарем среди дворовых команд. А спустя три месяца в Москве спартаковцы «первому вратарю» забили подряд три гола. Мы проиграли. И я, забыв обо всем былом «величии», рыдал навзрыд в тесной раздевалке, приговаривая:

— Всё кончено... Мой футбол... пропал...

Но, как видите, он не «пропал». Вот уже восемнадцать лет участвую я в розыгрыше первенства СССР. На счету пятьдесят три международных встречи, а если мой стаж исчислять со времени игры в дворовых командах, то он составит ровно четверть века.

Так в чем же дело? Почему мой футбол не «пропал»? Дело в том, что после того памятного поражения я получил урок, который нельзя забыть. Терпеливый тренер сначала просто утешал меня, потом заставил тренироваться с таким усердием, что после тренировок я терял в весе до двух килограммов.

Вы часто, наверное, мои шумливые болельщики, присутствуя на стадионе, восхищаясь, кричите:

— Вот это сила! Это талант!

Это вы говорите по адресу какого-нибудь, как вам кажется, исключительно способного игрока, не подозревая, что этот способный — было время — играл не лучше вас.

Вас ослепляют лавры славы, но какой трудной дорожкой пришел к ним ваш игрок!

Тренировка и еще раз тренировка — вот что необходимо, чтобы хорошо играть в футбол. Признаться, даже сейчас, после примерно полутысячи официальных крупных игр, перед очередной футбольной встречей я чувствую нехватку тренировки и отрабатываю различные приемы. Вы, наверное, думаете, что всё выходит хорошо и сразу. Конечно, нет. Если бы вы видели, ребята, как выглядят эти тренировки, как по три часа подряд мы занимаемся гимнастикой, бегом, отработкой передач, ударами по воротам, как мне доводится бросаться на мячи — верховые, низовые, пробивные, навесные, какие белые пятна соли выступают на наших майках, — вы тогда узнали бы, что такое «успехи и таланты».

Итак, футбол — это трудолюбие и усердие. Не ленитесь, не прощайте минутной слабости. Пусть на улице дождь, пусть скверно на душе, пусть вас прельщает кино или рыбалка, но, если назначили тренировку, вы должны на нее пойти.

Но футбол — это также дерзновение, смелость. Это спорт, отличный от пинг-понга или шахматной игры. Здесь не место тем, кто боится ушибиться, заработать синяк. Вас, наверное, не раз на матчах захватывали моменты, когда вратарь бросается прямо под ноги к бешено мчащемуся нападающему или врывается в гущу свалки и сильным ударом выбивает мяч. Но вы, наверное, видели и другое: как вратаря уводят с поля под руки или как два игрока, на полном ходу столкнувшись, не могут встать с земли. Я не имею в виду грубость или хулиганство. Этого вы должны избегать. Я говорю о случаях, почти неизбежных в острых схватках. По крайней мере, шрам на лбу, несколько рубцов на ногах и на боках убеждают меня в этом. Вы можете сказать, — могло бы их не быть. Но спорт есть спорт, ребята. И бывает так, что забываешь об опасностях, когда речь идет о чести твоей команды.

Честь... Вот что поднимает спортивный дух любой команды! Вы, конечно, помните, мои шустрые

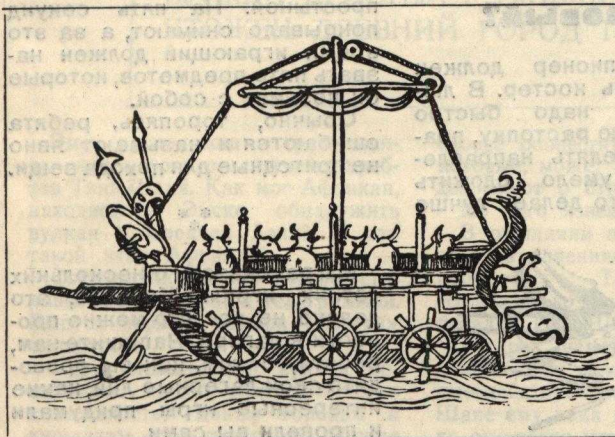
болельщики, 28 августа 1955 года. Это было большое событие для всех дворовых команд. Тогда, в финале, встретились «Юность» (Ленинград) и «Салют» (Павловск). Как остро шла игра, какой шум стоял на стадионе! И вы, наверное, были все уверены, что победа осталась за «Юностью». Но за несколько минут до конца игры салютовцы сравняли счет. Четыре раза после этого встречались эти две команды, прежде чем «Юности» удалось одержать победу. Разве это не пример упорства и сплоченности?

Мы радуемся, что с каждым годом растет число этих команд, а значит, и число их участников. И мне бы хотелось, чтобы каждый, кто в нее вступил, дорожил честью своей команды, не бегал из одной в другую. Если это вам интересно, я могу сказать, что шестнадцать лет я остаюсь вратарем «Зенита» и в какие бы команды меня ни переманивали, — я не уходил. Отношусь с уважением к маленькой дворовой команде! Сколько сил пришлось вложить многим дворовым командам, чтобы оборудовать свои площадки! Конечно, вам должны помочь и помогают старшие, но помните — главное зависит от вас самих. Разве трудно сообща убрать камни с игровой площадки, выкопать две ямы, поставить штанги? Разве трудно самим сделать границы поля?

Во время пребывания «Зенита» в Китае мы изумлялись этим качествам у ваших китайских юных друзей. В Шанхае, например, построено 180 площадок для футбола. Как вы думаете, — все они сделаны руками взрослых? Конечно, нет! Вот такая же шумливая детвора собиралась вечерами во дворах и устраивала субботники. А ведь им порой приходится потруднее, чем вам, и в смысле выбора площадки, и оборудования, и техники.

Дорогие мои ребята! Пусть вас никогда не покидает спортивный пыл, пусть вас не огорчают неудачи и помехи. Побеждает тот, у кого есть воля. Спорт закаляет волю. Спорт приносит веру в свои силы. Многих из вас, сегодняшних дворовых футболистов, мы, ветераны спорта, увидим на крупных состязаниях и будем радоваться вашим успехам. Вы представляете, какая это будет радость! Так дорожите ж спортивной честью с малых лет.

Желаю, друзья, удачи!

На многоводных реках Китая издавна плавают самые разнообразные суда — от джонки до морских кораблей.

Вот одно из судов, рисунок которого сохранился в старинных книгах. Сейчас оно идет с помощью колес, вращаемых вручную. Но, как видно из рисунка, может плыть и на веслах, и под парусами.

Советы старого вожатого

«Скучно в лагере»... — часто говорят ребята. И они правы. Во многих лагерях дни тянутся однообразно: от завтрака — до обеда, от обеда — до ужина, а там — отбой. И так изо дня в день. Ребята там нечем заняться, старые игры надоели. А нельзя ли сделать лагерную жизнь более интересной? И как это сделать?

Старый пионервожатый с Урала Леонид Константинович Диковский отвечает на эти вопросы: нужно, чтобы каждый день в лагере происходило что-нибудь новое, необычное, неожиданное. Он вспоминает из опыта своей работы, как весело проходило время в первых пионерских лагерях, какие интересные игры умели тогда затевать.

Некоторые его советы, а также пожелания других вожатых, опубликованные на этой страничке, могут пригодиться нашим пионерам.

Лагерная мачта

В центре лагеря обычно устанавливается мачта. Высокая стройная, с кумачовым флагом наверху, она видна издали. Каждое утро на мачте поднимают флаг, и лагерный день начинается.

Эту высокую мачту можно использовать и как сигнальную. Нужно только на ней укрепить еще одну веревку для поднятия флагов-сигналов. Например, поднять красный флаг с желтой полосой. Он означает: «Тревога! Все в лагерь!»; зеленый флаг — «Все в походе», и т. д. Можно придумать и другие флаги-сигналы, чтобы с их помощью передавать различные приказы, распоряжения и приветствия.

Неугасающий костер

По старой традиции в день приезда пионеров в лагере разжигают костер. А что, если

этому костру не дать погаснуть до конца лагерной смены?

Для такого костра надо выбрать удобную площадку неподалеку от мачты с флагом.

Днем огонь поддерживает дежурный у флага, а ночью — звено, отмеченное на общей лагерной линейке, как лучшее.

Звено ночует в палатке или шалаше у костра и охраняет лагерный флаг. Дежурят по двое, каждая смена по два часа.

Обычно к этому звену после отбоя приходит начальник лагеря или старший вожатый. Весь лагерь уже спит, а у костра еще долго идут разговоры: пионеры лучшего звена заслужили своей работой право лечь спать позже других.

Позывные отряда

Каждый отряд избирает для себя особый позывной сигнал:

крик петуха, кукование кукушки, перестук дятла. Свой позывной сигнал отряды хранят в тайне. Пользуются им, когда надо собрать свой отряд так, чтобы об этом не догадались другие ребята.

Кто лучший костровый?

В походе пионер должен уметь разжечь костер. В любую погоду надо быстро находить сухую растопку, правильно определять направление ветра, уметь сложить дрова. Кто это делает лучше

всех, может показать соревнование.

Сначала соревнования на лучшего кострового проводят внутри звеньев. Затем, в день приезда гостей (пионеров из соседнего лагеря, родителей), соревнуются лучшие звенья лагеря.

Не забудьте каждому костровому выдать только одну-единственную спичку. Пусть привыкает беречь спички, ведь в походе их не всегда можно раздобыть!

Звено, которое вышло победителем, получает право дежурить у неугасающего костра в последнюю лагерную ночь.

Игра-шутка: что взять в поход

На столе или на лужайке вожатый заранее раскладывает несколько предметов: компас, карту, кружку, зубную щетку, перочинный нож, утюг, ночные туфли, камень, электролампу, учебник физики и другие вещи.

Все эти вещи накрывают простыней. На пять секунд покрывало снимают, а за это время играющий должен назвать пять предметов, которые он возьмет с собой.

Обычно, торопясь, ребята ошибаются и называют явно не пригодные для похода вещи.

Мы рассказали о нескольких летних играх. Конечно, это далеко не всё, что можно провести в лагере. Напишите нам, ребята, о том, как вы проводите свои лагерные дни, какие интересные игры придумали и провели вы сами.

Загадка Рудника Зеленого Дракона

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ! ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ:

Обнаружен неизвестный вулкан на Тянь-Шане. Окрестностям угрожает гибель!

В сообщении упоминается Великое Ущелье. Где это? И что такое Он-фан? Действуйте немедленно! Быстрый и точный ответ поможет предупредить бедствие!

Первый номер «Костра» был почти готов, когда в редакцию принесли телеграмму:

ИЗ ЭМСКА 2/11 17.6 10 52

ОБНАРУЖЕН ВАЖНЫЙ ДОКУМЕНТ ТЧК НЕИЗВЕСТНЫЙ
ВУЛКАН ДЕЙСТВУЕТ ТЯНЬ-ШАНЕ ТЧК ИЗВЕРЖЕНИЕМ УНИ-
ЧТОЖЕН ДРЕВНИЙ ГОРОД ТЧК ПОДРОБНОСТИ ПИСЬМОМ
АФРИКАН

Эмск расположен в трех тысячах километров от снеговых хребтов Тянь-Шаня. Как мог Африкан, находясь в Эмске, обнаружить вулкан в Средней Азии? И кто такой этот Африкан?

Сотрудники редакции ломали головы над загадочной телеграммой. Выпуск первого номера «Костра» задержали.

Вдруг неизвестный вулкан возобновит свою разрушительную деятельность? Каким городам и кишлакам он угрожает? Нужно

скорее оповестить тысячи людей, которые, может быть, даже не подозревают о страшной опасности.

Но кого извещать?!

В ожидании письма обратились за разъяснениями к известному профессору Татарову — знатоку геологии, который много лет работал в Тянь-Шане.

Татаров немного успокоил редакцию. Он сказал, что современные действующие вулканы в Тянь-Шане ему пока неизвестны. Однако отказался утверждать, что вул-

кана на Тянь-Шане не может быть.

— Вулкан может образоваться в любой точке нашей планеты, — сказал в заключение профессор Татаров.

Атмосфера напряженного ожидания в редакции накалялась...

Однако через неделю пришло письмо. Африкан, видимо, торопился и забыл вложить первый лист письма. В конверте оказался только второй листок, исписанный корявыми, неровными строчками:

«...поэтому мы решили немедленно сообщить вам о находке. На бумаге, в которую был завернут обломок «кирпича», написано «Тянь-Шань. 15-е июля 189...» (далее стерлось).

Подъем от начала Великого Ущелья по красным осыпям. Облака дыма и паров на вершине указывают путь. Снизу, от развалин крепости, гора производит впечатление действующего вулкана. Но арабы ошибались... три строчки написаны неразборчиво. Образец взят в средней части склона на высоте около 300 саженей над рекой. Повидимому, огneau... [два или три слова стерлись]. Запасы огромные... [далее всё стерлось].

Как только могли, мы старались прочесть стертые слова. Пробовали нагревать бумагу, мочили ее и сушили, но прочитать не удалось.

Вчера нам повезло. Бабушка Андрея разбила пузырек с каким-то лекарством; оно растеклось по столу и подмочило края нашего документа. Сначала мы очень испугались: неужели испортили? Мы начали сушить листок над лампой, и тогда на подмокших краях выступили еще несколько слов: «Рудник Зеленого Дракона» в одном углу записки, а в другом — слово «Он-фан» с твердым знаком на конце.

Когда бумага высохла, она сморщилась и пожелтела, а появившиеся слова опять исчезли.

Мы попросили бабушку заказать в аптеке еще бутылочку такого лекарства. Но бабушка сказала, что давно потеряла рецепт и даже не помнит, от чего это лекарство: от ревматизма или от кашля. Образец «кирпича» и бумага, в которую он был завернут, теперь находятся в нашем школьном музее.

Мы думаем, что коллекцию минералов, которую мы нашли в подвале старой гостиницы, оставил какой-то геолог, проезжавший через город много лет тому назад. В этом наши сомнения сходятся. В остальном мы друг с другом не согласны.

По мнению Андрея, гора с дымом на вершине — это неизвестный вулкан в Тянь-Шане. Его открыл геолог в 189... году. Наверное, геолог скоропостижно умер, когда проезжал через наш город; поэтому об открытии вулкана никто не узнал.

Андрей говорит, что геолог поднял «кирпич» в каком-то разрушенном древнем городе. Вероятно, город находился на склоне вулкана и был уничтожен потоками лавы. Андрей думает, что город был построен арабами, и они очень неудачно выбрали для него место («арабы ошибались»).

Москва

Уважаемый товарищ редактор! Письмо Ваше получил.

В старинных рукописях арабских географов упоминается о том, что среди хребтов Небесных гор* в древней Согдиане была гора. С ее вершины на расстоянии ста фарсангов были видны огни, горящие в горах Согд — место добычи нашатыря. Вы, конечно, знаете, что нашатырь использовался алхимиками.

Географы древности считали горящую гору вулканом. Александр Македонский прошел у подножия этой горы во время индийского похода со своими легионами и боевыми слонами.

В письме из Эмска говорится

* Небесные горы — Тянь-Шань (узб.).

Рудник «Зеленого Дракона», наверное, находился вблизи от города. Слово «огneau...» Андрей считает не совсем понятным, но думает, что речь идет об уничтожении огнем, т. е. расплавленной лавой.

«Запасы огромные», — тут Андрей утверждает, что, в городе было много золота и драгоценных камней.

Правда, золота и драгоценных камней нет в коллекции, есть лишь кристаллы горного хрусталя, пластинки прозрачной слюды, тяжелые куски свинцового блеска, грубо обколотые кубики гранита, известняка и несколько кусочков каменного угля. Может быть, золото и драгоценные камни были утрачены после смерти геолога?

Так думает Андрия Фролов. Сам он не мог написать вам — повредил руку, когда провалился в подвал, где мы нашли ящик с камнями.

Я думаю иначе. По-моему, самое главное в документе — не вулкан, а слова «Рудник Зеленого Дракона». Наверное, геолог хотел точно указать его место и потому написал о вулкане и красных осыпях.

Я не очень-то верю в этот вулкан. Советские геологи здорово изучили Тянь-Шань. Как они могли не заметить действующего вулкана?

Я напишу вам более подробно о своей гипотезе после того, как получу ответ на следующие вопросы:

1) Где в Тянь-Шане находится Великое Ущелье? 2) Что такое Он-фан? 3) Бывают ли природные камни, похожие на обыкновенный красный кирпич?

Я спрашивал обо всем этом нашу учительницу географии Феклу Семеновну, но она сказала, чтобы я сам подумал. Наверное, она этого не знает.

В ожидании ответа будем продолжать поиски.

С пионерским приветом

Андрей Фролов. Иван Канюков.

Город Эмск, 4-я полная средняя школа. 7б класс. Р. С. Телеграмму для краткости мы подписали оба заодно: «А-фр-и-кан».

Письмо не рассеяло беспокойства в редакции. Что, если вулкан всё-таки существует? А если возобновятся извержения?

Наш выездной корреспондент Курочкин уехал в Эмск, чтобы на месте познакомиться с загадочной находкой и помочь ребятам в их поисках.

Копии письма Андрия и Вани разослали ученым разных специальностей. Что-то они сообщат нам?

Может быть, и читатели «Костра» помогут редакции разобраться в этом важном загадочном вопросе?

В последнюю минуту

15 июля 1956 г.

о Великом Ущелье. Не тот ли это каньон, по которому пробирались боевые слоны греков через горы Согд, то есть Зеравшанский хребет? Как прошли греческие войска по каньону — одному из самых диких и недоступных ущелий Тянь-Шаня... Непонятно. Это узкая глубокая трещина, рассекающая поперек высокий, увенчанный снегами хребет, а на дне бурлит стремительная река. До постройки автомобильной дороги по узеньким подвесным тропам — оврингам, выющимся на головокругляющей высоте в скалистых обрывах каньона, с трудом карабкались лишь пешеходы.

Я, конечно, не убежден, что именно об этой горе и об этом каньоне упоминается в записке. Каньоны в Тянь-Шане много, интересных гор — еще больше.

Однако если местонахождение вулкана неизвестно, стоит подумать, — не находится ли он в Зеравшанском хребте?

Названия — «Рудник Зеленого Дракона» и «Он-фан» в древних рукописях мне не попадались.

Я не считаю себя вправе судить, опасен ли вулкан в настоящее время. Я — историк.

У входа в каньон сохранились развалины древней крепости, — она охраняла старинный караванный путь и разработки нашатыря. А вот существовал ли на склоне вулкана город, — мне неизвестно. Постараюсь выяснить.

Крепко жму руку.

Тарас Лобецкий, доктор исторических наук, профессор. (Продолжение следует)

БУДЕМ ЗНАКОМЫ!

(Сами про себя)

— Во-первых, здравствуйте! Будем знакомы — меня зовут Ляля, а его Валя. Сначала нас звали Ляля и Валя, а потом мой папа и все ребята в классе начали нас звать Ляляваля.

Валя — хороший мальчик, мы с ним дружим, но он всё медленно делает. Вот, когда мы идем, я несколько раз возвращаюсь, забегу немножко вперед и опять обратно прибегу...

— Ты всегда быстро ходишь...

— Подожди, Валя, не мешай.

— Я не мешаю, я только хочу спросить, — что во-вторых? Ты сказала: во-первых, здравствуйте, а во-вторых у тебя еще не было.

— Это же не важно! Не перебивай меня, а то я не успею всё рассказать. Пусть будет во-вторых то, что мы с Валею живем в одном доме, только в разных квартирах. Я — с мамой и с папой, а Валя — с бабушкой. Только Валяна бабушка не просто бабушка, а совсем особенная.

— Почему «особенная»? Бабушка — просто хирург.

— Как не особенная? Другие старенькие сидят дома, у них самих всегда что-нибудь болит, а Валяна бабушка операции делает, людей лечит. Ее возят на синей «Победе».

— Ляля, не на «Победе», а на «Москвиче».

— Подумаешь, разница... Не мешай, Валя! Когда бабушка сама немножко заболела, то тетя Дуня не успевала двери открывать и закрывать, — столько навещало ее всяких людей. Цветов приносили столько, что доктор, который ее лечил, велел полвину вынести из комнаты.

Мы тоже ухаживали за бабушкой, раз даже бегали в верхнюю квартиру, потому что у...

— Ляля, ты не о том хотела рассказать...

— Конечно, совсем не об этом, просто по дороге рассказала... Так вот, я живу во втором этаже, а Валя в третьем. И Валя придумал подъемную машину, и установил ее у себя на балконе, и назвал ее нашим собственным лифтом.

— Ляля, может быть, лучше мне рассказать? Ты много болтаешь...

— Как же иначе? Только в балете рассказывают и молчат, я так не умею. Нет, Валя, сегодня я, а ты в следующий раз расскажешь. Ладно?

— Ну, ладно. Только давай короче.

— Хорошо. Так вот, в тот день, когда нам выдали табели и мы узнали, что перешли в четвертый класс, мы с Валею побежали домой. Во дворе собрались наши ребята, и мы затеяли игру. Не помню, во что мы играли, только мы так кричали, что даже сами себя не слышали. Клава верещала, как поросенок. Вдруг, слышим, чей-то сердитый го-

лос: «Когда прекратится это безобразие?» Мы остановились, задрали головы и видим: из окна первого этажа высунулась женщина. «Ведь так невозможно жить!» — крикнула она и захлопнула окно. Валя почесал кончик носа, — он всегда чешет нос, когда не знает, что делать. Катя из шестой квартиры фыркнула, а Сергей из восьмой квартиры как заорет: «Подумаешь, барыня!» Вскочил на железные листья (их с крыши сбросили) и давай по ним скакать. Да как завопит на весь двор: «А-а-а-а!» Так здорово! Мы тоже к нему подбежали и только хотели взобраться на листья, а тут вышла из дома Валяна бабушка. «Подойдите ко мне». Она сказала тихо, а все услышали. «Вот что, дети, — сказала бабушка, — совершим небольшое путешествие по дому». — «Какое путешествие?» — спросил Сергей и слез с железа. «Увидите, — бабушка даже не улыбнулась. — Начнем с четвертого этажа». И мы вошли в лифт.

В четвертом этаже нам открыла дверь Верочка; она еще маленькая и редко выходит во двор гулять. «Где твоя мама, Верочка?» — спросила бабушка. — «Мама лежит, она больна, и я ухаживаю за ней», — ответила Верочка, совсем как большая. «Мы пришли ее навестить», — бабушка строго посмотрела на нас. Верочка провела нас в комнату. Там на кровати лежала ее мама. Она тяжело дышала и полотенцем вытирала лоб. «Стойте здесь», — тихо приказала бабушка и подошла к больной. «Как вы себя чувствуете?» — «Спасибо, доктор, — еле слышно ответила Верочкина мама, — возьмите меня в больницу... Нет больше сил лежать в этом шуме... То дикие крики во дворе, то радио на окно выставляют, то песнями донимают. Совсем не могу спать...» Но бабушка не взяла Верочкину маму в больницу. «Мы постараемся», — сказала бабушка, — чтобы в нашем доме больше не шумели. И строго посмотрела на нас...

Мы стояли, опустив голову. Валя долго чесал нос, он стал красный, как клюква. Сергей буркнул: «А я что... я — ничего...» Бабушка ему не ответила, и мы пошли в восьмую квартиру, где живет Катя. «Папа дома?» — спросила ее бабушка. «Домашка», — сказала Катя, — пишет диссертацию». Катин папа открыл нам дверь. Сердитый, а из ушей у него торчала вата. «Здравствуйте!» — сказала бабушка. Катин папа вынул из ушей вату и спросил: «Что вы сказали?» «Здравствуйте», — повторила бабушка, а за ней и мы повторили хором: «Здравствуйте!» Катин папа весь передернулся, поморщился и сказал: «Ради бога, не кричите! Не могу слышать ваших голосов». Бабушка поглядела на нас, а потом спросила Катинного папу: «У вас уши болят?» Он

удивленно взглянул на нее: «Уши у меня голова болит! Я не могу работать!» — простонал Катин папа. — Этот шум во дворе, нечеловеческие вопли, визги, ну, узи... Почему я должен ее слушать? Почему?»

Мы все посмотрели на Сережку. Это он выставил свою руку на окно и заводит дурацкие пластинки. Катин папа сердито воткнул вату обратно в уши. «Мне некогда, простите, пойду работать».

Мы вышли на площадку лестницы. Все молчали. Молчал и Сергей.

«Что ж, — сказала бабушка, — зайдем в квартиру номер три».

Дверь открылась, и мы услышали плач. Это плакал Вовочка, он недавно родился. «Почему он так плачет? Почему вы с ним не выйдете на воздух?» — спросила бабушка Вовочкину маму. «Далеко я боюсь с ним ездить, он маленький. Во двор тоже страшно выходить. Вчера ребята угодили в Вовочку мячом. Я попросила их быть осторожнее, а какой-то мальчик ответил: «Подумаешь, барыня!» — и даже не извинился. Вот жду мужа, он придет с работы, тогда пойдем с сыном в садик». «Понятно, — сказала бабушка, — ну, простите за беспокойство» — и закрыла дверь.

Бабушка смотрела на нас, а мы молчали. Что мы могли возразить? В лапту вчера играли? Играли. Сергей попал в ребенка мячом? Попал. «Ну, — сказала бабушка, — идемте теперь ко мне».

Сергей не хотел идти к бабушке. И Вася тоже уперся. Но мы их уговорили пойти.

Бабушка усадила нас всех у себя в комнате и сама села в глубокое кресло.

«Понравилось путешествие?» — спросила бабушка. Мы молчали. Разве такое понравится? Вася даже забыл нос потерять. А Сергей... Ну, будто говорить разучился. А бабушка говорит: «Не попробуйте ли вы говорить тихо, ну хоть неделю». Мы переглянулись. Неделю? Сергей не понял: «Целую неделю, а потом?» — «Потом, — сказала бабушка, — если вы сдержите свое слово, я приготовлю вам сюрприз. Согласны?»

«Согласны!» — крикнули мы. Потом спохватились и тихо повторили: — «Согласны». Сергей даже прошептал: «Согласен». Что придумала Валина бабушка? Я не удержалась и спросила: «Какой сюрприз вы нам сделаете?» Бабушка засмеялась: «Разве это сюрприз, если о нем знают заранее?»

Вечером я долго не могла заснуть и всё время думала про сюрприз.

— И я думал, думал и заснул.

— И Сергей думал, и все. Только ничего не придумали. Но на дворе никто не шумел. Говорили совсем тихо. Через неделю бабушка позвала и...

— Ляля, страничка кончается, больше негде рассказывать...

— Вот беда! Из-за тебя я ничего не успела рассказать. Перебиваешь всё время. Ну, хорошо, я доскажу в следующий раз. До свидания, ребята. Пишите нам. До свидания!

С приветом Ляляваля.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТАБЛИЦЕ РЕКОРДОВ

...Столбики фамилий, чисел, названия стран и даты. Много ли интересного можно узнать, «путешествуя» по этому скупому списку?

Возьмем наугад несколько цифр.

Испокон веков говорили: «Выше головы не прыгнешь». Но с этой пословицей решили поспорить спортсмены. Всё выше и выше поднималась на состязаниях прыгунов планка. Наконец, рекорд мира стал равен 2 метрам 12 сантиметрам.

Результат ленинградского юноши И. Берхина — 1 метр 96 сантиметров. А ведь он прыгает «выше головы» и успешнее, чем кто-либо другой, — его собственный рост — 164 сантиметра.

Два стрелка выходят на линию огня. Гремят выстрелы, и сидящие рядом со стрелками наблюдатели-корректировщики, глядя в стереотрубы, произносят одно слово: «Десятка».

Снова выстрелы, и опять: «Десятка... десятка... десятка...»

Соревнования подходят к концу, и вот оказывается, что все пули попали в центр «яблочка».

Кто же самый меткий?..

Этот случай — не выдумка. На прошлогодних состязаниях лучших стрелков Европы в Бухаресте сразу четыре человека выбили по 400 очков из 400 возможных.

И всё же есть способ узнать, кому из таких, одинаково метких стрелков присудить первенство.

Для этого под яблочко мишени подкладывают маленький кружок, так называемую «контрольную десятку». Сильнейшим признают того стрелка, который точнее попал в «контрольную десятку».

Какую тяжесть способен поднять человек?

Самый последний ответ на этот вопрос дал рекордсмен мира Пауль Андерсон.

Четыре года назад на своей первой тренировке двадцатилетний Андерсон поднял штангу весом «всего» 142 килограмма. После

того как Пауль трижды присел с этой тяжестью на плечах, штангу попробовали поднять вчетвером. Но им даже не удалось оторвать штангу от пола.

В прошлом году, выступая в Багдаде, Андерсон поднял на вытянутые руки штангу весом в 207 с половиной килограммов.

Сейчас, показывая свою силу, богатырь-спортсмен может ходить, держа на груди 700-килограммовый груз.

На первых олимпийских играх, проводившихся в Афинах в 1896 году, забег марафонцев выиграл греческий пастух Луис. 40 километров он пробежал примерно за 2 часа 58 минут 50 секунд.

Почему примерно? Да потому, что судьи, ехавшие рядом с бегунами на конях, отстали, — кавалерийские лошади не смогли состязаться с человеком!

Легко представить, каково пришлось бы тем судьям на состязаниях нынешних бегунов! Недавно финн Анти Вискари пробежал 42 километра 195 метров за 2 часа 14 минут 14 секунд.

* * *

Кто быстрее: бегун или лыжник, конькобежец, велогонщик или буерист?

Лучший бегун — спринтер — мчится по дорожке стадиона со скоростью поезда, делающего 35 километров в час.

Еще стремительней конькобежец-скароход (42 километра в час).

Спортсмен-велосипедист может поспорить в скорости с экспрессом. 60 километров с лишним — такова скорость велогонщика на треке.

При хорошем ветре, да по ровному льду, как птица, летит буер (100 километров в час).

Но есть еще один «безмоторный» вид спорта, представители которого соперничают... с самолетом. Это скоростной спуск на лыжах с гор.

Мировой рекорд в скоростном спуске равен 175 километрам в час.

* * *

Молодой рабочий из города Борисова Иосиф Адамук мечтал когда-нибудь стать рекордсменом.

Но он не мог и предполагать, что первый же его прыжок войдет в историю парашютизма, как своеобразный, невиданный рекорд.

В один из летних дней 1952 года самолет поднял Адамука на высоту 800 метров, и юноша смело бросился с крыла вниз.

Через секунду-другую над его головой раскрылся купол парашюта, и Адамук начал... подниматься. Да, именно подниматься.

Сильные восходящие потоки воздуха подхватили парашютиста и понесли всё выше и выше.

Вот уже не стало видно земли — спортсмена затащило в облака. Стал обмерзать парашют, одежда покрылась инеем. Но Адамук хладнокровно боролся с обледенением.

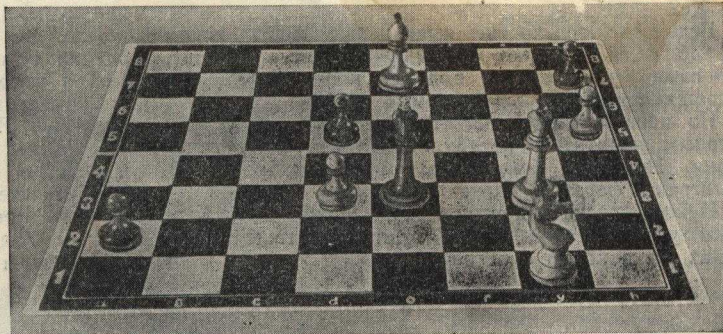
Нескончаемо долго носило парашютиста в густом облачном море. Наконец ветер начал стихать и спортсмену удалось благополучно приземлиться.

Молодой парашютист пробыл в воздухе целых два часа!

Ш А Х М А Т Ы

Под редакцией
международного гроссмейстера,
чемпиона СССР М. Тайманова

Всем ребятам знакома книга М. Ильина «Сто тысяч почему». В этой замечательной книге много разделов, в которых можно найти ответы на самые разнообразные, интересные вопросы.

Писатель Ильин не был шахматистом и не включил в свою книгу главы о шахматах. Но если бы он это сделал, появилось бы еще много новых «почему».

Действительно, стоит задуматься над вопросами: почему из десятков и сотен игр только шахматы в течение веков пользуются неизменной популярностью, а в наши дни и всеобщей любовью?

Почему люди разных народов, разных возрастов, разных профессий находят в шахматной борьбе и удовольствие, и отдых? Почему о шахматах написаны тысячи книг и исследований, а загадок в них не становится меньше?

Почему... Да бесконечное количество вопросов приходит в голову, когда подумаешь об этой древней, мудрой и увлекательной игре.

Видно, шахматы — это больше, чем просто игра. Это и своеобразное искусство, и наука, и спорт.

Шахматы имеют свою теорию. Законы их развития исследуются. Шахматы связаны с логикой, психологией. Это роднит их с наукой.

В шахматной борьбе успех определяется творческим элементом — фантазией шахматиста. Это роднит шахматы с искусством.

Сила шахматиста определяется в соревнованиях. Это роднит шахматы со спортом. Недаром иногда говорят: шахматы — это гимнастика ума, умственный спорт.

Когда играешь партию в шахматы, испытываешь самые различные чувства — радость и огорчение, торжество, восторг и отчаяние. Разве можно остаться равнодушным, когда видишь, как противник, уже предвкушающий победу, вынужден капитулировать после неожиданной комбинации?

Сколько разочарований испытываешь если после «тихого» хода партнера убеждаешься в безвыходности своего положения!

Задумывать и осуществлять большие стратегические планы, находить красивые комбинации, сильными ходами диктовать свою волю противнику — вот что прельщает в шахматах всех — от начинающего любителя до чемпиона мира.

Обратимся к примерам.

Посмотрите это положение на диаграмме.

У белых большой материальный перевес — конь и слон за пешку. Казалось бы, это больше чем достаточно, чтобы выиграть партию. Но подумайте в позицию, и вы увидите, что дело совсем не просто. Черная пешка на a2 неминуемо проходит в ферзи, так как на ход 1. Се7 — f6 черные перекрывают диагональ a1 — h8 посредством 1...d5 — d.

Правда, можно пойти теперь 2. Kgl — f3 и после a2 — a4f выиграть ферзя.

3. Cf6:d4
Kpe3:d4
Kpd3
Kpf5
вничью

1. d4 4. Kf1
13. 6. Kpf4
-f5 8. Kp
партия ко

Как...
На...
После... d4 белые продол-
жают 2... и 2... —alf неожиданно

3. Ke2 — c1
Белые не выигрывают ферзя ходом
3. Cf6:d4 + (то, как мы видели, ведет к ничьей),
но сами «подставляют» под бой коня. Теперь они
угрожают матом посредством 4. ...Cf6 — g5.

На первый взгляд кажется, что от этой угрозы
черным защититься не трудно. Стоит только взять
коня. Но тогда белые дадут шах слоном на g5,
выиграют ферзя и партию.

Нужно поискать другой выход. Может быть, чер-
ным уйти королем на d2? Нет, это тоже плохо
из-за шаха конем с c1 на b3.

А защита!
3. ... Fа1 — a5
будто теперь уже опасаться нечего.
4. Cf6:d4 +! Kpe3:d4
5. Kc1 — b3 +.

и белые выигрывают.
Этот этюд, составленный братьями Платовыми
почти 50 лет назад, производит огромное впечатле-
ние неожиданностью комбинационных ударов.

Для нас он особенно дорог тем, что его высоко
оценил Владимир Ильич Ленин. Ленин не только
любил шахматы, но и хорошо играл в них. Когда
он увидел этот этюд, он в письме к своему брату
Дмитрию Ильичу написал:

«...Увидел сегодня этюд, который решил не сразу
и который мне очень понравился. Положение та-
кое. Белые: Kpg3 Ce7 Kgl и пешки d3 и h5.
Черные: Kpe3 и пешки h7, d5 и a2 (то есть послед-
няя за ход до превращения в королеву). Белые
начинают и выигрывают. Красивая штучка!».

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствия читателям „Костра“	1	В деревне Вьетнама. Очерк Р. Славского.	32
Ильич в Разливе. Воспоминания Н. Емельянова. Записал Д. Славентантор. Рис. Н. Кустова. Фото Д. Трахтенберга	2	Небылицы. Французская народная песенка. Перевел С. Гиппиус. На вклейке рис. В. Кона- шевича	33
Наш подъезд. Стихи М. Дудина. Рис. Б. Семе- нова.	6	Барсик. Рассказ Н. Тихонова. Рис. Н. Муратова	34
Обед можно подогреть. Рассказ А. Хршанов- ского. Рис. А. Галеркина	8	Морская газета Оформление Н. Кузнецова	38
Геройский подвиг. Рассказ С. Гродзенской. Перевел с польского В. Оболевич. Рис. Ю. Ло- бачева.	14	Футбол ждет юных. Рассказал заслуженный мастер спорта Л. Иванов. Фото Ю. Шаламова	40
Единица или нуль? Стихи Е. Серовой. Рис. Н. Коконович	15	Советы старого вожатого. Рис. П. Кондра- тьева	42
Новое море. Очерк К. Меркулевой. На вклейке рис. В. Курдова	16	Загадка Рудника Зеленого Дракона. Рис. Н. Кустова	43
Чудесные брусочки и нити. Очерк Е. Иордани- швили. На вклейке рис. Е. Сидоркина	17	Будем знакомы! (Сами про себя)	45
Наш подарок. Письма школьников	19	Путешествие по таблице рекордов. В. Смы- слов	46
Ватага из Сан Лоренцо. Повесть Марчелло Ард- жилли. Перевод с итальянского А. Горского и С. Полтавского. Рис. Н. Петровой	20	Шахматы. Под редакцией международного гросс- мейстера М. Тайманова	47
Почему у Зайчика треснула губа. Стихи И. Нехода. Пер. А. Прокофьева. Рис. А. Спицына	31	На обложке рисунок И. Харкевича „Из загородного похода“ На 2-й стр. обложки песня „Зорька догорает“ Слова Н. Глейзарова. Музыка В. Соловьева- Седого. Рис. В. Фирсовой На 3-й стр. обложки — „Рембрандт“ На 4-й стр. обложки „Путешествие Вани Лежебо- кова“. Текст В. Иванова. Рис. Ю. Лобачева	

Редактор Н. Ф. Григорьев

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко,
Г. М. Сосенкова, В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Е. Л. Шварц,
Е. М. Шереметьева, Ю. А. Эшман

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Ответственный секретарь
Н. В. Теребинская

Технический редактор
И. И. Рычков

Адрес редакции: Ленинград, наб. Кутузова, 6, тел. Ж 3-23-63, комм. Ж 3-72-11 и Ж 3-72-12
Рукописи не возвращаются

М-34540.

Подп. к печати 14.07.

Формат бум. 84×108¹/₁₆.
Тираж 100 000 экз.

Бум. лист 1¹/₂.
Заказ № 1265.

Печ. листов 4,92 + 2 вкл.

4-я тип. им. Евг. Соколовой
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

РЕМБРАНДТ ВАН РЕЙН

Триста пятьдесят лет назад, 15 июля 1606 года, в небольшом голландском городе Лейдене родился великий художник Рембрандт ван Рейн.

Сын мельника, Рембрандт оставался близок народу, героями своих произведений он сделал обездоленных трудовых людей.

Правда, необыкновенный талант художника привлек внимание богатых знатоков и любителей искусства. Но успех был недолгим.

В сороковых годах XVII века Рембрандт написал групповой портрет амстердамских стрелков — картину, известную под названием „Ночной дозор“. Заказчики желали видеть себя на картине приукрашенными, а Рембрандт изобразил выступление стрелковой роты, как живую, уличную сцену, полную неожиданных, но глубоко жизненных подробностей.

Заказчикам картина не понравилась. Однако Рембрандт отказался что-нибудь переделать. Вообще он не желал потворствовать дурным вкусам. Заказы прекратились, и на смену почестям и признанию пришло холодное равнодушие и презрение богачей.

Рембрандт непрестанно трудился, тщетно пытаясь выбраться из нищеты.

В 1669 году великий художник умер, одинокий и всеми покинутый.

Человек — вот основная тема Рембрандта. Передавая в живописи облик простых людей, своих современников, великий художник раскрывал в портретах всё неисчерпаемое богатство внутренней жизни человека.

Вспомогательным в один из рембрандтовских портретов.

ДАНСКИЙ ХУДОЖНИК

Старая женщина, в темном платье, сидит в кресле, грустно склонив голову и сложив руки на коленях. Ярко освещены лишь ее лицо и руки. Этим приемом художник привлекает внимание зрителя к главным, наиболее выразительным чертам человека. Усталое, покрытое морщинами лицо старухи, печальный взор, ее натруженные руки говорят о тяжелой жизни.

В картинах, написанных по обычаю его времени, главным образом на темы библии и античных мифов, Рембрандт также выступает как великий знаток человеческой души.

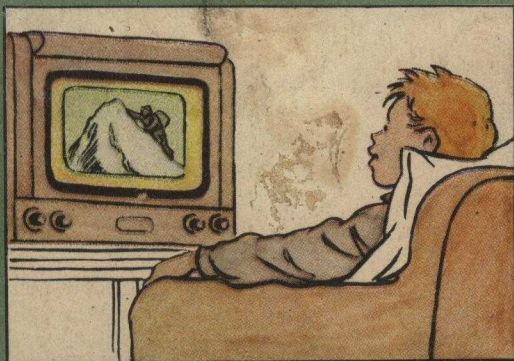
В ленинградском музее „Эрмитаж“ хранится одно из лучших созданий Рембрандта — картина „Возвращение блудного сына“.

Старый отец радостно обнимает сына, когда тот покинувшего родной дом и теперь вернувшегося из долгих и тяжких странствий. С какой необыкновенной силой и правдой переданы раскаяние сына, всепрощающая любовь отца, зависть старшего брата и жадное любопытство слуг! Освещая теплым и мягким светом одни фигуры, почти растворяя другие в темноте фона, Рембрандт средствами живописи создает душевную атмосферу этого события.

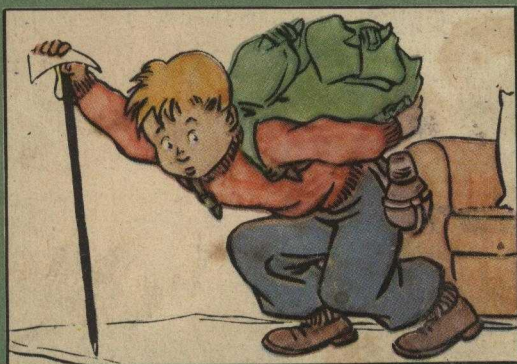
Картины Рембрандта дороги всему человечеству. Идеи, которые он защищал в искусстве, живут и в наши дни. Поэтому Всемирный Совет мира призвал всех передовых людей отметить 350-летие со дня его рождения.

Торжества будут проходить в разных странах — от его родной Голландии до Советского Союза, от Англии до Китая, от Индии до Италии.

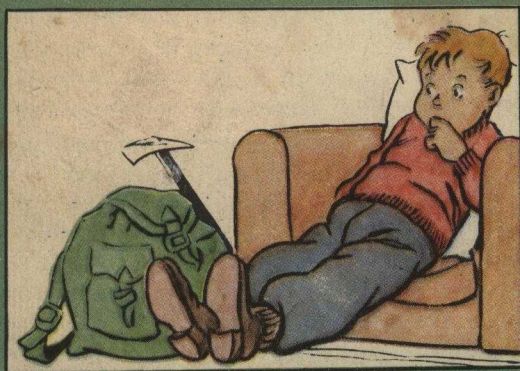
ПУТЕШЕСТВИЕ ВАНИ ЛЕЖЕБОВОКОВА

У Вани родились мечты
О смелом штурме высоты.

И вот однажды Ваня дома
Всё приготовил для подъема

„Груз не по мне“, — решил он мрачно.
Составил новый план хитро.

Подъемы стал свершать удачно
На эскалаторах метро!